

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

ПЕРЕВОДЧИК МЕЖДУ БЕРЕГАМИ



Андрей Северский

Переводчик между берегами

«Автор»

2026

Северский А.

Переводчик между берегами / А. Северский — «Автор», 2026

Осень 1920 года. В вымышленной дельте Седой вода отнимает дороги и дома, а новая власть пытается учесть людей по единым спискам. Переводчик речной комиссии Илья Коренев должен согласовать обмен пленными между тремя общинами, где одни и те же слова означают разные права, обязанности и приговоры. Каждая точная формулировка спасает одних — и делает видимыми для власти других. Когда созданные Ильёй соответствия начинают решать человеческие судьбы без него, нейтральность становится невозможной. Чтобы сохранить семью и чужие голоса, ему придётся признать собственную власть над переводом, разрушить удобный механизм отбора и оставить после себя не единственную версию катастрофы, а несколько спорящих свидетельств. «Переводчик между берегами» — исторический роман о памяти, ответственности и цене понятного слова в мире, где исчезает сама земля под ногами.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Два списка	7
Глава 2. Паром без флага	14
Глава 3. Соль на пристани	22
Глава 4. Чужой сын	31
Глава 5. Глубина фарватера	41
Глава 6. Три значения долга	49
Глава 7. Обмен	58
Глава 8. Красная вода	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Андрей Северский

Переводчик между берегами

От автора

Эта книга начинается с простого действия: один человек читает список вслух другому. На бумаге стоят имена. Возле имён — пометы, от которых зависит, кому дадут место на пароме, кого оставят ждать и кого назовут опасным. Кажется, переводчику остаётся лишь подобрать в одном языке слова, уже решённые в другом. Но стоит двум берегам по-разному понимать, кто такой пленный, кому принадлежит дом и что значит обещание вернуться, — и точного слова оказывается недостаточно.

«Переводчик между берегами» — роман о вымышленном месте и вымышленных людях. Каменки и Ольхового Берега нет на карте; река Седая не впадает ни в одно известное море. У её общин нет прямых исторических прототипов, а речная комиссия не изображает конкретное учреждение. Такое отдаление от узнаваемых названий сделано не для того, чтобы спрятать историю, а чтобы не присвоить себе чужую. В первой четверти двадцатого века слишком многие семьи в действительности пережили распад государств, смену границ, плен, голод, эпидемии и вынужденный отъезд. Их опыт нельзя превратить в удобную декорацию, сложив несовместимые судьбы в одну эффектную легенду.

Исторический фон романа опирается на документы и исследования о речном сообщении, послевоенном возвращении пленных, санитарных мерах и массовом перемещении людей в 1920–1921 годах. Однако в центре здесь не реконструкция отдельной кампании. Меня занимает другое: как большая катастрофа входит в повседневную речь. Сначала меняются значения знакомых слов. Сосед становится «приписанным к другому берегу», отсутствующий — «выбывшим», семейный дом — «учётным двором», бегство — «эвакуацией». Потом новые слова начинают распределять хлеб, лодки, право голоса и вино. Наконец люди привыкают считать, будто решение приняла бумага.

Илья Коренев, герой романа, стоит между говорящими не потому, что он мудрее их. Он всего лишь слышит обе стороны и умеет переносить сказанное через языковую границу. Это умение даёт ему власть раньше, чем он готов её признать. Иногда он может смягчить приказ. Иногда — объяснить угрозу так ясно, что угроза становится действеннее. Иногда молчание кажется ему единственным способом никого не предать, хотя молчание тоже оставляет кому-то преимущество. Его работа не будет сводиться к красивым рассуждениям о непереводемости. Каждое найденное или не найденное слово изменит маршрут судна, состав списка, судьбу дома или отношения в семье.

В книге нет «чистого» берега. Люди, защищающие старый порядок, способны хранить память и одновременно лишать чужака права на помощь. Люди, строящие единый учёт, способны спасти от голода и превращать спасение в средство подчинения. Родство удерживает общину вместе — и требует предпочесть своего ребёнка чужому. Закон обещает одинаковую меру — и приходит туда, где не у всех была возможность назвать себя его языком. Мне важно, чтобы за каждой позицией оставался человек с разумной причиной, а за каждой разумной причиной — цена, которую платит не только он.

Река в этом романе не судья и не символ очищения. У воды нет нравственного выбора. Она поднимается, меняет фарватер, срывает вехи и делает вчерашнюю карту неверной. Люди же продолжают проводить границы даже там, где исчез берег. Поэтому навигация и перевод оказываются похожими ремёслами: оба требуют помнить правило, видеть реальную обстановку и отвечать за момент, когда от правила приходится отступить. Карта помогает пройти реку,

пока человек не принимает её за саму реку. Словарь помогает услышать соседа, пока человек не принимает соответствие слов за согласие судеб.

Вымысленность не отменяет требования к фактам. Пароход не сможет пройти там, где ему не хватает глубины; холодная одежда не высохнет по воле сюжета; санитарная мера не станет действенной лишь потому, что её объявили приказом. Там, где исторические сведения неполны или противоречивы, роман предпочитает ограничить утверждение, а не заполнять пробел уверенным вымыслом. При этом мысли, разговоры и частные решения персонажей принадлежат художественному миру книги. Они не выдаются за забытые свидетельства реальных людей.

Читателю не понадобится знать языки двух берегов: их различие проявится не в декоративных чужих словах, а в том, что люди считают очевидным. Один скажет «двор» и представит живых, умерших и тех, кто ещё вернётся. Другой услышит строение, число едоков и строку в ведомости. Один назовёт гарантом человека, готового отвечать своим именем. Другой потребует печать учреждения. Пока они спорят о переводе, вода будет прибывать.

Эта история не обещает примирить всех точной формулировкой. Она спрашивает, что остаётся человеку, когда безупречного перевода нет, отказ переводить тоже становится поступком, а чужой голос нельзя ни присвоить, ни оставить неслышанным. Ответ придётся искать не в словаре, а в том, что герой сделает после собственных слов.

Глава 1. Два списка

Первый список принёс человек в непромокаемом плаще, второй — мальчик без шапки.

Человек вошёл в контору речной комиссии, стряхнул воду у порога и положил перед Ильёй четыре листа, прошитые серой ниткой. На последнем листе темнела круглая печать. Мальчик остался снаружи. Он прижимал к груди школьную тетрадь, завёрнутую в промасленный холст, и смотрел сквозь стекло так, будто внутри решали, впустят ли его в зиму.

— От управления пристанями, — сказал человек в плаще. — К обмену на завтрашнее число. Двадцать пять человек. Перевод — сегодня до шестого гудка.

Илья провёл пальцем по нитке. Узел был залит канцелярским клеем. Значит, исправление придётся либо выносить на отдельный лист, либо делать вид, что ошибки не существует.

— Кто сверял имена?

— Там написано.

На первой странице было написано: «Ведомость лиц, удерживаемых береговыми вооружёнными отрядами и подлежащих взаимной передаче». Ниже стояли две подписи, одну Илья знал, вторую видел впервые. Имена шли в алфавитном порядке, словно людей собирались не вести по скользким сходням, а расставить на библиотечной полке.

— У береговых нет вооружённых отрядов, — сказал Илья. — Они называют их дозорами.

— Пусть называют. В переводе будет как здесь.

— Тогда они не признают, что удерживают этих людей.

Человек в плаще снял мокрые перчатки и аккуратно расправил их на краю стола.

— Моё дело было довести бумагу сухой. Ваше — перевести. Признают они или нет, спросите у Вельской.

Он ушёл, оставив после себя запах речной воды и машинного масла. За окном мальчик переступил с ноги на ногу. Голые ступни в деревянных башмаках покраснели от холода.

Илья открыл дверь.

— Ты от кого?

— От Дорофея Савельича.

— Почему не вошёл?

Мальчик посмотрел на табличку над дверью. На ней по-русски и по-береговому было выведено: «Речная комиссия. Посторонним вход воспрещён». Вторая строка означала не совсем то же самое. Если читать буквально — «Не позванный внутрь остаётся под небом».

— Меня не звали.

— Теперь зову.

Мальчик всё равно снял башмаки и оставил их у порога. В контору он вошёл босиком, стараясь ступать по швам между половицами. Положил свёрток на свободный край стола, подальше от печати, развернул холст. Школьная тетрадь разбухла от сырости. На обложке чужой детской рукой было написано: «Задачи на дроби».

Внутри не было ни одной дроби. На четырёх страницах стояли имена, прозвища, названия дворов и отметки: кому нужен костыль, кто не ест твёрдого, у кого на Ольховом Берегу остались дети. Илья узнал крупный прямой почерк Дорофея.

— Сказал передать из руки в руку, — сообщил мальчик. — И чтобы ты прочитал нижнее прежде верхнего.

Нижняя строка была приписана поперёк страницы: «Этих держим не мы. Этих вода держит».

— Он ещё что-нибудь сказал?

— Сказал: если в печатной бумаге пленные, пусть комиссия покажет, где у них плен.

— А сам почему не пришёл?

Мальчик пожал плечами:

— Глубину смотрит.

— Где?

— Если бы хотел сказать, велел бы сказать.

Илья поднял глаза. Мальчик произнёс это без дерзости, почти сочувственно: взрослый человек задал вопрос, на который не мог получить ответа, и теперь обоим следовало переждать неловкость.

— Как тебя зовут?

— Ратша из Вязового двора.

— Чей сын?

— Вязового двора.

На комиссии такой ответ записали бы как уклонение. Илья достал из шкафа шерстяные чулки, оставшиеся после летней партии помощи, и положил перед мальчиком.

— Надень.

— За что?

— За доставку.

— Дорофей сказал ничего не брать.

— Тогда вернёшь после шестого гудка.

Ратша подумал, принял условие и натянул чулки. Они закрыли ему ноги до колен.

Илья положил рядом обе бумаги.

В комиссии числилось двадцать пять пленных. У Дорофея — двадцать удержанных и пятеро «оставшихся при дворах до свободной воды». Первые семь имён совпадали почти точно. В восьмом одно и то же лицо разделилось надвое: в ведомости значился Ян Марков, в тетради — Яник из дома Марка. Дальше расхождения множились. Комиссия указывала год рождения; береговые — старшинство среди братьев. Комиссия писала место задержания; береговые — двор, который кормил человека после того, как его лодку прибило к острову. У двоих не совпадали даже имена, но совпадали шрамы и родня.

На последней странице тетради Илья увидел Степана Воронца.

Имя стояло среди пяти, которых держала вода.

Он перечитал его дважды. Степан, двадцать девять лет, левое плечо выше правого после перелома, родом с Ольхового Берега, «муж Аглаиной сестры» было зачёркнуто, сверху вписано: «брат Аглаи Кореновой». Дорофей знал, кому показывает эту строку.

В печатной ведомости Степана не было.

— Когда её писали? — спросил Илья.

Ратша сидел на лавке и рассматривал свои ноги в серых чулках.

— Ночью.

— Степан Воронец жив?

— Когда писали, был.

— Где он?

— Этих вода держит.

— Я прочитал. Что это значит?

— Значит, лодку не пустят.

— Почему?

— Потому что вода.

Можно было прикрикнуть. Можно было пригрозить, что комиссия задержит самого посыльного, пока старшие не научатся отвечать прямо. Илья представил, как запишут Ратшу: имя неизвестно, возраст приблизительный, принадлежность не установлена. Через час мальчик и вправду станет тем человеком, которого увидела бумага.

— Иди на кухню, — сказал Илья. — Скажи тёте Луше, что я разрешил дать тебе каши. Чулки не снимай.

Когда дверь закрылась, он вынул из нижнего ящика записную книжку. На внутренней стороне обложки Аглая когда-то написала три имени: своё, Ильино и сына. Ниже оставила место для Степана. «Чтобы не искать его потом по чужим бумагам», — сказала она.

Место оставалось пустым.

Илья провёл карандашом две колонки. Слева написал комиссионное «удерживаемые вооружёнными отрядами». Справа — береговое слово, которым Дорофей обозначил двадцать человек. Оно происходило от глагола «принять канат» и могло означать гостя, чью лодку привязали к твоему причалу, пока не минует опасность. Такой человек ел за общим столом и не имел права уйти до решения схода. Он не был свободен. Но назвать его пленным значило обвинить двор в нарушении закона гостеприимства, на котором держались острова.

Илья попробовал: «лица, находящиеся под береговым ручательством».

Комиссия возразит: ручательство принимают добровольно, а этих людей разоружили.

«Принятые дворами до решения схода».

Береговые согласятся, комиссия увидит уклонение.

«Временно лишённые возможности отъезда».

Так можно было назвать всех жителей дельты.

Шестой гудок должен был прозвучать через четыре часа.

Илья завернул тетрадь и печатный список в один холст и пошёл к Марте.

Начальница комиссии занимала бывшую комнату станционного смотрителя. С тех пор как половина пристани осела, пол здесь наклонился к реке. Карандаши скатывались со стола, и Марта держала их в пустой кружке без ручки. На стене висела карта дельты. Синие рукава были проведены ровно и уверенно, хотя два из них уже месяц как обмелели, а третий после ливней пробил себе новый путь через сенокос.

Марта стояла у окна и считала баржи.

— Четыре, — сказала она, не оборачиваясь. — Вчера было пять.

— Пятую Дорофей отвёл в верхний рукав.

— Дорофей утверждает, что не распоряжается судами.

— Он распоряжается глубиной.

— Глубиной распоряжается река.

— Тогда спросите реку, куда делась баржа.

Марта повернулась. На ней был серый китель без знаков различия. Волосы она коротко обрезала после весенней горячки, и теперь они отросли неровно: над правым ухом прядь была длиннее. Илья каждый раз замечал это и каждый раз сердился на себя. В комнате, где решали, кому достанется судно, человеческая неровность казалась недопустимым отвлечением.

— Перевод готов?

Он положил перед ней две бумаги.

— Готовы два разных обмена.

Марта прочитала заголовок ведомости, потом первые страницы тетради. Береговой язык она знала достаточно, чтобы узнавать имена и простые слова. Сложные понятия заставляли её шуриться, будто буквы становились мельче.

— Почему двадцать и пять?

— Потому что двадцать береговые готовы отдать по соглашению. Пятерых они не считают пленными.

— Они могут не считать их людьми, если им нравится. На паром должны войти двадцать пять.

— Пятеро находятся не там, откуда завтра пойдёт паром.

— Где?

— В тетради не сказано.

— А вы не спросили?

— Посыльный не знает или не скажет.

Марта дошла до последней страницы. Илья следил за её пальцем. Вот Ян Марков. Вот братья Сулимы. Вот Степан.

Она подняла глаза:

— Родственник вашей жены?

— Брат.

— Почему его нет в нашем списке?

— Это я хотел спросить у вас.

Марта позвонила в колокольчик. Вошёл писарь Гаврилов, застёгивая воротник.

— Кто составлял ведомость?

— По сведениям управления, Марта Карловна.

— Сведения кто принёс?

— Курьер из третьего участка.

— Кто сверял?

Гаврилов посмотрел на подписи так, словно впервые увидел лист.

— Подписано же.

— Я тоже вижу, что подписано. Вы имена сверяли?

— С чем?

Марта молчала. Писарь начал понимать, что вопрос был не о бумаге.

— Приказано было подготовить к сроку, — сказал он. — Подготовили.

— Идите.

Когда дверь закрылась, Марта перечеркнула в блокноте какую-то цифру.

— Если мы добавим пятерых сейчас, береговые решат, что могут менять условия утром каждого обмена.

— Если не добавим, мы признаем наш список точнее людей, которых увидел Дорофей.

— Не людей. Записи Дорофея.

— Его записи хотя бы сделаны там, где они находятся.

— Вы хотите отменить обмен?

Илья посмотрел на карту. От Каменки к островам была проведена чёрная линия паромного пути. По ней расстояние занимало ширину ладони.

— Я хочу понять, кого меняют.

— Завтра на том берегу ждут двадцать наших. Если сегодня мы начнём устанавливать судьбу ещё пятерых, завтра не вернётся никто.

— В нашей ведомости двадцать пять.

— Потому что управление торговалось за двадцать пять. Значит, добилось не всего.

— Там подпись: «согласовано обеими сторонами».

— Подпись человека, который две недели не был на островах.

Илья подвинул к ней лист.

— Тогда вы предлагаете перевести ложь.

— Я предлагаю перевести документ, который позволит забрать двадцать человек.

— А пятеро?

Марта закрыла тетрадь.

— Следующий обмен.

— Когда?

— Когда будет паром, топливо и согласие.

— То есть вы не знаете.

— Не знаю. Но я знаю, что двадцать больше нуля.

За стеной закашлял дежурный. Кашель был сухой, частый. Марта дождалась тишины и продолжила тише:

— Нижний остров со вчерашнего утра не отвечает. В лазарете шестеро с жаром. На складе муки на девять дней, если никто новый не придёт. А они придут. Если мы сорвём обмен из-за пяти имён, слух дойдёт до пристаней раньше ночи. К утру каждый список станет условным.

— Он уже условный.

— Тогда дайте условию слова, с которыми паром отчалит.

Илья подошёл к карте. Новый рукав, которого на ней не было, проходил бы примерно через букву «д» в слове «Седая». Он коснулся бумаги ногтем.

— Береговые не подпишут «пленных».

— Что подпишут?

— «Принятых под береговое ручательство».

— Это звучит так, будто они оказывали услугу.

— Для них так и есть.

— Людей разоружили и не выпускали.

— Они ответят: выпускать в закрытую воду значит убить.

— А вы что ответите?

— Что у гостя должна быть возможность отказаться от гостеприимства.

Марта чуть улыбнулась, но улыбка сразу исчезла.

— Вот это и переведите.

— В заголовке?

— В соглашении. Двадцать человек, названных поимённо, береговые передают комиссии. Комиссия принимает их без признания берегового права удерживать кого-либо. Береговые передают их без признания, что они были пленными. Каждая сторона остаётся при своей лжи, но люди садятся на паром.

— А пятеро?

— Отдельный протокол разногласий.

— С именами?

Марта посмотрела на него слишком долго.

— Если внесём имена, это станет требованием. Дорофей откажется подписывать основной лист.

— Если не внесём, они исчезнут.

— У вас есть тетрадь.

— Тетрадь не документ.

— Сегодня вы убеждали меня в обратном.

Первый гудок после полудня прокатился над пристанью. Стекло дрогнуло. На реке буксир дал задний ход, вспенив чёрную воду у свай.

Марта вернула Илье обе бумаги.

— До шестого гудка. Основной лист — на двадцать. Пятерых обсудим после обмена. Если хотите сорвать всё ради родственника, скажите сейчас. Я найду другого переводчика.

— Другого нет.

— Значит, мы оба лишены удобного выбора.

В коридоре Илья встретил Ратшу. Мальчик держал пустую миску и осторожно ступал в чулках, не касаясь стен.

— Идём, — сказал Илья.

Они спустились к воде. Дождь перестал, но крыши ещё капали. У пакгауза грузчики перекачивали бочки с керосином, и каждая отзывалась глухим плеском. Паром стоял у дальнего причала: низкая палуба, рубка с мутными окнами, труба в ржавых потёках. На носу двое

плотников меняли доску в ограждении. Завтра здесь должны были стоять двадцать человек, которых один берег называл пленными, а другой — гостями поневоле.

— Дорофей ждёт ответ? — спросил Илья.

— Ждёт бумагу.

— Бумага будет на двадцать.

Ратша не удивился.

— А нижние?

— По ним составим отдельный лист.

— Составим — это когда?

Илья услышал в мальчишеском вопросе Мартину интонацию и разозлился.

— Когда я напишу.

— До шестого гудка?

— Нет.

Ратша посмотрел на реку.

— Тогда Дорофей спросит, кого ты выбрал.

— Я выбрал двадцать человек.

— Людей не выбирают по двадцать. Их по одному зовут.

У самой воды пахло тиной и мокрым деревом. Между сваями застрял венок из жёлтых листьев; течение трепало его, но не могло протолкнуть в щель.

— Ты не понимаешь, — сказал Илья. — Если мы впишем пятерых сейчас, обмена не будет.

— Я понимаю. Ты хочешь сначала этих, потом тех.

— Именно.

— А вода умеет сначала и потом?

Ратша снял чулки, аккуратно сложил и протянул Илье.

— Оставь до вечера.

— Я донёс.

Он сунул босые ноги в деревянные башмаки и побежал вдоль пакгауза, перепрыгивая лужи. Илья окликнул его, но мальчик не обернулся.

До шестого гудка оставалось три часа.

Илья заперся в переводческой комнате. На чистом листе написал заголовок сразу в двух колонках. Слева: «Соглашение о взаимной передаче удерживаемых лиц». Справа: «Слово о возвращении принятых канатом». Ни одно выражение не повторяло другое, но оба позволяли завтра подвести людей к парому.

В первом пункте он отказал сторонам в праве считать своё название общим. Во втором перечислил двадцать имён, сверяя возраст со шрамами, а место задержания — с дворами. Яна Маркова и Яника из дома Марка соединил одной скобой и оставил оба варианта. В третьем записал, что передача не подтверждает законность предшествующего удержания. В береговой колонке это стало: «Возвращённый канат не осуждает причал».

Потом он взял отдельный лист.

«Протокол разногласий», — написал слева.

Справа поставил: «О тех, кому вода не дала дороги».

Перенёс первое имя. Второе. Третье. Четвёртое.

На пятом карандаш остановился.

Если Степан появится в приложении, Марта поймёт, что Илья не подчинился. Она может снять его с обмена, хотя другого переводчика и нет. Хуже другое: Дорофей получит доказательство, что родство заставило Илью превратить тетрадную строку в требование. После этого ни комиссия, ни береговые не поверят, что его перевод не служит семье.

Аглая просила только не дать брату исчезнуть.

Он перелистнул записную книжку. Три имени на обложке. Пустое место под ними.

Илья вписал Степана туда — мелко, чтобы осталось место для отчества, — и вернулся к протоколу.

Четыре имени. Под ними фраза: «Стороны обязуются установить местонахождение и основание задержки до следующей встречи».

Он прочитал лист вслух на обоих языках. В комнате никто не возразил.

Перед шестым гудком Марта пришла сама. Она просмотрела основной лист, задержалась на двойном имени Яна-Яника, но промолчала. Потом взяла приложение.

— Четверо?

— Четыре имени удалось установить.

— В тетради пять.

— Пятая запись противоречива.

Марта открыла тетрадь. Илья заранее загнул угол так, чтобы последняя строка оказалась под большим пальцем. Дешёвый лист просвечивал; имя Степана темнело с оборота, но разобрать его вверх ногами было невозможно.

Снаружи заревел гудок. Один долгий звук, потом второй. В конторе задребезжали стёкла.

— Время, — сказала Марта.

Она подписала обе колонки основного листа и приложение на четверых. Печать легла неровно: край круга исчез на сгибе.

Илья посыпал чернила песком. Рука его не дрожала.

— Завтра вы лично поручитесь за смысл каждого пункта, — сказала Марта.

— Я переводчик.

— Завтра это одно и то же.

Когда она ушла, Илья вынул тетрадь из-под соглашения. На последней странице было пять имён. В официальном разногласии — четыре. В его записной книжке — одно.

Он завернул бумаги для Дорофея, но тетрадь в свёрток не положил.

К вечеру вода поднялась ещё на две доски причала. Венок из листьев между сваями исчез.

Глава 2. Паром без флага

К рассвету дождь ушёл вниз по реке, оставив над Каменкой низкое белое небо. Вода стояла у третьей перекладины причала и несла мимо брёвна, ключья камыша, перевёрнутую детскую табуретку. Паром дымил у дальних свай. За ночь плотники сменили доску на носу, но не успели проконопатить шов: из-под свежей смолы проступала тёмная влага.

Илья пришёл до первого гудка. Соглашение лежало под рубахой, в клеёчатом чехле, приложение на четверых — отдельно, во внутреннем кармане. Личную книжку он оставил дома под доской подоконника. Аглая ещё спала или делала вид, что спит. Когда он выходил, она спросила только, будет ли Степан на пароме. Илья ответил: «Сегодня должны привести двадцать».

Она не переспросила.

На палубе матрос Костыльный таскал ведром воду из машинного отделения. Так его звали не за увечье: он был прям, длинен и вечно подпирал собой то дверь, то груз, то чужую ссору. Увидев Илью, он поставил ведро.

— Флаг чей вешать?

На корме над рубкой был пустой шест. Вчера там болталась выцветшая комиссияская полоса, но ночью её сняли.

— Ничей.

— Ничейного флага не бывает.

— Сегодня будет.

Матрос сплюнул за борт.

— С пустым шестом нас с обеих сторон примут за хитрых.

— С полосой комиссии береговые не сядут. С береговым знаком наши не подпустят паром к причалу.

— Так я и говорю: хитрые.

Илья поднялся на палубу. Под ногами дрогнуло железо: кочегар пробовал машину. Паром был построен для телег и скота, без скамеек. Вдоль бортов тянулись цепи, за которые в прежние годы привязывали испуганных лошадей. Теперь посередине мелом провели поперечную черту. По одну сторону должны были ждать возвращаемые с островов, по другую — двенадцать береговых, которых комиссия задержала после драки у соляного склада. Их имена не входили в спор: Дорофей прислал за каждого двор и причал, Марта нашла каждого в караульных ведомостях. Трудность начиналась там, где люди переставали быть именами и становились условием.

Из тумана у пакгауза появились караульные. Они шли по двое, ведя задержанных без верёвок, но с винтовками наперевес. Двенадцать мужчин были в одинаковых серых накидках, выданных после обработки одежды. Своё им вернули в узлах. Самый старший, Игнат из Вязового двора, нёс узел на плече и ступал осторожно, будто под настилом был тонкий лёд.

Илья назвал его по-береговому. Игнат остановился.

— Ратша дошёл?

— Дошёл.

— Значит, половина слова на месте.

Караульный подтолкнул его стволom, не сильно, скорее напоминая порядок. Игнат не двинулся.

— Скажите им, чтобы не трогали, — обратился он к Илье. — Я иду, пока иду сам.

Илья перевёл. Начальник караула пожал плечами:

— Пусть идёт. Нам тоже хочется кончить до дождя.

Игнат ступил на сходню, но у меловой черты остановился снова.

- Здесь что?
- Разделение сторон до передачи.
- На воде нет сторон.
- На пароме есть.
- Тогда это не паром.

Он всё же перешагнул черту. Остальные последовали за ним. Никто не сел. Они встали у цепи, лицом к реке, и паром сразу стал похож не на судно, а на двор без крыши.

Марта пришла с писарем Гавриловым и двумя санитарами. Под серым кителем у неё был шерстяной платок; свободный конец она заправила за пояс, чтобы не мешал. Гаврилов нёс доску для бумаг и жестяную коробку с печатью. Санитары поставили у сходни бочку с раствором и велели задержанным показать узлы.

Игнат прикрыл свой локтем.

- Одежду уже обрабатывали, — сказал Илья.
- Позавчера, — ответил санитар. — А ночевали они в караулке.
- Мы не вошь, чтобы нас по два раза травить, — сказал Игнат.
- Он отказывается? — спросила Марта.
- Он спрашивает, почему повторяют обработку.
- Потому что обменяем вошь — через неделю обменивать будет некого.

Илья передал смысл без её резкости. Игнат выслушал, развязал узел и вытащил рубаху.

- Скажи начальнице: вошь не знает, чей на ней двор.
- Она это и говорит.

Игнат впервые посмотрел на Марту прямо. Та не поняла слов, но поняла взгляд и кивнула санитару. Двенадцать узлов приняли у бочки.

На островной стороне туман поредел. Проявилась чёрная линия камышей, затем крыша часовни без креста и высокий знак у входа в протоку — две связанные жерди. Оттуда должна была выйти лодка Дорофея и встретить паром у песчаной косы. Дальше комиссариатскому рулевому хода не давали: после летних обстрелов островитяне сняли бакены, а новый фарватер знали только их лоцманы.

Первый гудок прозвучал коротко. Из рубки высунулся капитан Селиванов.

- Уголь жжём, — сказал он Марте. — Или отваливаем, или глушимся.
- Ждём лодку.
- Ждать можно и без пара. Только потом ещё час разводить.
- Через час вода будет выше.

Селиванов провёл ладонью по усам. Илья знал этот жест: капитан не любил, когда ему объясняли реку люди с берега.

— Выше у причала, — сказал он. — На косе течение боковое. Ещё четверть — и нас понесёт кормой на старые сваи.

Марта посмотрела на Илью, словно это тоже требовало перевода.

- Сколько у нас времени?
- До второго гудка, — ответил капитан. — Потом я паром с людьми не поведу.
- Поведёте по приказу.
- По приказу я могу утопить бумагу. Людей — не обязан.

Марта ничего не сказала. Гаврилов наклонился к доске, делая вид, что проверяет листы.

Лодка показалась после первого гудка. Шла без паруса, под длинными вёслами. На корме сидел Дорофей в просмолённой куртке. Ратша стоял на носу босиком, хотя утро было холодным, и держал шест с развилкой. За ними теснились четверо мужчин; один нёс свёрнутое полотнище.

Они не подошли к причалу. Лодка остановилась в тридцати шагах, удерживаясь против течения. Дорофей сложил ладони рупором:

— Чей знак над паромом?

— Ничей, — крикнул Илья.

— Пустой шест — знак того, кто прячет знак.

Матрос Костыльный усмехнулся, но, встретившись с Ильёй глазами, отвернулся.

— На время передачи паром не принадлежит ни стороне комиссии, ни береговому сходу, — прокричал Илья.

Дорофей посоветовался с гребцами. Человек со свёртком развернул край: серо-зелёная ткань, знак трёх причалов. На пароме начальник караула снял винтовку с плеча.

— Пусть не вздумают поднимать.

— Они не поднимают.

— Пока.

Марта приказала караульным отойти от сходни. Потом сказала Илье:

— Пусть подходят. У нас подписанное соглашение.

Илья показал Дорофею клеёнчатый чехол. Старик велел гребцам подать лодку ближе, но у самой сходни Ратша упёр шест в сваю. Между бортами осталось два шага воды.

— Сначала слово, — сказал Дорофей.

— Слово подписано.

— Подпись видел мальчик. Слово должен услышать сход.

Марта стояла рядом и ждала перевода. Илья повторил требование.

— Хорошо, — сказала она. — Читайте.

Гаврилов закрепил соглашение на доске. Ветер поднимал нижний край листа. Илья прочитал первый пункт на языке комиссии, затем береговую колонку. При словах о двадцати названных людях Игнат и его товарищи перестали смотреть на острова и повернулись к нему. Дорофей слушал, прикрыв глаза. Ратша следил не за Ильёй, а за Мартой, будто хотел увидеть, где её лицо не совпадёт с чужими словами.

Второй пункт прошёл без возражений. На третьем Дорофей поднял ладонь.

— Ещё раз последнее.

Илья повторил: возвращённый канат не осуждает причал; принятие переданных людей не подтверждает права удерживать их.

— Не это. После имён.

Гаврилов нашёл строку:

— «Безопасность передаваемых лиц от момента посадки и до завершения взаимной передачи гарантируется обеими сторонами».

Илья перевёл так, как писал накануне: обе стороны держат людей своим словом, пока каждый не ступит на свой берег.

Дорофей открыл глаза.

— На бумаге стоит не так.

У Ильи похолодели ладони. Береговую колонку он составлял сам, но чистовой лист переписывал Гаврилов. В строке после имён писарь заменил длинное выражение одним словом из старой пристанской формы. Его употребляли в расписках за груз: тот, кто принимал мешки, отвечал за целостность до разгрузки. Но у береговых это слово имело и другое, более тяжёлое значение. Гарантом становился не подписавший вообще, а тот, чьим двором можно взыскать ущерб. Если пропадал человек, взыскание не кончалось деньгами или товаром.

— Кто правил колонку? — спросил Илья у Гаврилова.

— Там то же самое. Короче только.

— Для кого то же?

Писарь покраснел.

— Вы вчера оставили помету у края. Я разобрал, что нужно свести.

— Я оставил два варианта, чтобы утром выбрать.

— Так выбрали бы вчера.

Марта протянула руку:

— В чём разница?

Дорофей ответил прежде, чем Илья успел перевести вопрос:

— Кто у вас гарант?

— Обе стороны, — сказал Илья.

— У стороны нет двора. У бумаги нет детей. Назови человека.

Илья объяснил Марте. Она слушала, всё сильнее прижимая платок к поясу.

— В нашем тексте гарантия означает обязательство органов, — сказала она. — Не личный залог.

— В их тексте переписано слово личного поручительства.

— Вами переписано.

— Гавриловым.

— Под вашим заголовком.

Гаврилов хотел возразить, но Марта остановила его взглядом.

— Исправьте сейчас.

Илья сказал Дорофею, что спорное слово будет заменено полным выражением. Старик покачал головой.

— Под ним печать.

— Поставим новую.

— Значит, вчерашнее слово было пустым.

— Оно было ошибкой переписчика.

— Ошибка — когда вместо двадцати пишут девятнадцать и видят пустое место. Здесь написали того, с кого брать.

В лодке у гребцов начали дрожать вёсла. Течение разворачивало нос, Ратша отталкивался шестом от сваи. Капитан Селиванов вышел из рубки и посмотрел вверх по реке.

— Пять минут, — сказал он.

Марта шагнула к самому краю палубы.

— Передайте Дорофею: комиссия отвечает за безопасность всех участников. Моё имя стоит под документом.

Илья перевёл.

— Её имя стоит с другой стороны листа, — ответил Дорофей. — Под береговым словом чьё?

— Печать одна.

— Печать круглая. Двор где?

Начальник караула подошёл ближе.

— Они тянут время. На косе, верно, никого нет.

Игнат повернулся к нему:

— Есть.

— Я тебя не спрашивал.

— А слово сказало за тебя, хотя ты его не спрашивал.

Караульный не понял, но услышал насмешку. Он перехватил винтовку обеими руками. Остальные задержанные разом подались к Игнату. Санитары отступили к бочке. Паром качнулся от общего движения, и свежая вода выплеснулась из ведра Костыльного.

— Всем стоять! — крикнула Марта.

Илья перевёл. На береговом языке приказ прозвучал как требование удержать лодку у причала; гребцы поняли его по-своему и налегли на вёсла. Лодка отделилась на полкорпуса.

— Не уходите! — крикнул Илья.

— Кто держит? — спросил Дорофей.

Второй гудок ещё не прозвучал, но с пристани уже отвечало эхо первого, застрявшее между пакгаузами. Илья видел, как всё распадается на привычные объяснения. Для Марты островитяне искали предлог не выполнить договор. Для Дорофея комиссия хотела получить людей под словом, цену которого не собиралась платить. Для караула движение лодки было угрозой. Для двенадцати на палубе поднятая винтовка означала, что их возвращение кончилось до отплытия. Каждый был прав внутри своей фразы, и ни одна фраза не удерживала паром.

Он снял клеёнчатый чехол с соглашения и положил лист на доску.

— Зачеркните слово, — сказал он Гаврилову.

— Марта Карловна велела новую печать.

— Зачеркните одной чертой, чтобы старое читалось.

Марта поняла раньше писаря.

— Что вы собираетесь написать?

— Имя гаранта.

— Чьё?

Илья взял карандаш. Он мог назвать комиссию ещё раз, развернув личное слово в безличный оборот. Мог вписать Марту: она сама сказала, что отвечает. Но береговой поручитель отвечал не должностью. За него взыскивали с дома, с лодки, с тех, кто делил с ним огонь. Марта не принадлежала ни одному двору в дельте, и потому её подпись была для островов сильной как приказ и лёгкой как зола.

— Моё.

Она схватила его за запястье.

— Вы не сторона соглашения.

— Поэтому моё имя можно поставить в обеих колонках одинаково.

— Нельзя превращать государственный документ в семейную расписку.

— Он уже превратился. Только семьи пока нет.

— У вас есть жена и ребёнок.

Илья почувствовал, как карандаш упирается грифелем в бумагу. Марта знала, куда бить, и не пыталась делать вид, что речь лишь о форме.

— Есть.

— Тогда не раздавайте их в обеспечение чужих ошибок.

В лодке Дорофей сказал гребцам что-то короткое. Правое весло поднялось. Ещё мгновение — и они развернутся вниз по течению.

Илья высвободил руку.

— Если они уйдут, двенадцать останутся у вас, двадцать — у них. К вечеру каждый берег скажет, что другой не дал гарантии. Завтра это слово будет стоять уже не семьи, а выстрела.

— Не вам решать цену.

— Её уже назначил ваш писарь.

Гаврилов побледнел так, словно приговор относился к нему одному.

Илья провёл черту через спорное слово. Рядом, в обеих колонках, написал: «Илья Корнев держит безопасность переправы своим именем до возвращения паром к причалу Каменки». Береговую строку пришлось сделать длиннее. В ней не было «безопасности» как состояния. Было: если из тех, кого ведёт паром, кто-либо будет отнят водой или человеком, Илья выйдет отвечать перед обоими берегами.

— Прочти, — велел Дорофей.

Илья прочитал.

— Дом назови.

— У меня нет берегового дома.

— Тогда чем отвечаешь?

Вопрос долетел через воду тихо, почти без крика. Игнат опустил узел. Ратша перестал толкаться шестом и смотрел на Илью.

— Тем, что после нарушения не смогу говорить ни за один берег.

Дорофей молчал.

Марта сказала:

— Этого мало даже для них.

— Для меня — всё.

— Вы уверены, что они различают эти вещи?

— Сейчас узнаем.

Илья повторил ответ на береговом языке. Там не было должности переводчика в том смысле, который признавала комиссия. Он назвал себя тем, кому дают чужие слова пройти через рот. И сказал: если слово будет нарушено, его рот закроют для обоих берегов.

Игнат первым коснулся пальцами груди. За ним то же сделали ещё трое на палубе. Это не было приветствием или клятвой; так отмечали услышанное обязательство, не обещая согласия.

Дорофей спросил:

— Начальница слышала твою цену?

— Слышала.

— Не отнимет её после пристани?

Илья перевёл вопрос Марте.

Она смотрела на исправленную строку. Второй гудок ударил над водой — два коротких, один долгий. Селиванов выругался в рубке и дёрнул машинный телеграф.

— Если паром вернётся с теми же людьми, — сказала Марта, — я отстраню вас за самовольную правку. Если вернётся с обменом, рассмотрю правку как действие в чрезвычайных обстоятельствах.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Илья передал Дорофею без смягчения. Старик усмехнулся:

— Вот теперь обе колонки похожи.

Он велел подать лодку. Ратша убрал шест, Костыльный поймал брошенный конец. Двое гребцов поднялись на паром. Ратша и человек со знаком трёх причалов остались в лодке; едва Дорофей перенёс ногу через борт, мальчик отдал конец, и лодку понесло к косе.

Дорофей ступил на палубу и сразу провёл подошвой по меловой черте. Мел размазался, но черта осталась.

— У воды две стороны, — сказал он Игнату. — У доски, видно, три.

— Сегодня четыре, — ответил Игнат и кивнул на Илью.

Дорофей взял доску с соглашением. Он читал медленно, касаясь ногтем каждой строки. У исправления остановился.

— Чернила разные.

— Карандаш и чернила, — сказал Илья.

— Карандаш вода смывает.

Гаврилов торопливо открыл жестяную коробку. Печатная подушка отсырела. Он несколько раз прижал к ней печать и поставил круг поверх исправления. На бумаге проступила только половина букв, зато край захватил обе колонки.

Дорофей вынул из кармана нож. Караульные подняли винтовки.

— Стоять, — сказала Марта.

Старик надрезал большой палец, прижал его рядом с печатью и оставил тёмный овальный след.

— Теперь вода размочит обоих, — сказал он.

— Кровь не нужна, — сухо произнесла Марта, выслушав перевод.

— Ему тоже, — ответил Дорофей и показал на палец.

Капитан Селиванов ударил в колокол на рубке.

— Отдать концы!

Марта сошла на причал. Гаврилов замешкался, будто не понимал, где его место, и прыгнул следом уже после того, как сходню начали втягивать. Начальник караула оставил на пароме четверых людей. Двенадцать возвращаемых стояли у левого борта; Дорофей с гребцами — у правого. Илья остался возле стёртой черты.

— Вы сойдёте на косе, — крикнула Марта.

— По соглашению гарант до возвращения парома, — ответил он.

Она услышала, но не стала спорить при Дорофее.

Машина толкнула палубу снизу. Сваи поплыли назад. Пустой шест над рубкой дрожал, и на его верхушке висела одна капля. С берега паром провожали молча. Только санитар ругался из-за узлов с необработанной одеждой: их забыли у бочки.

Костыльный принёс Илье бухту тонкого конца.

— Обвяжись.

— Зачем?

— Раз ты теперь всё держишь.

Он говорил без улыбки. Илья взял конец и положил рядом на палубу.

В протоке течение ударило в борт. Паром развернуло на четверть, и Селиванов дал машине задний ход. С косы поднялась стая мелких птиц. За ней обнаружили три лодки, вытасненные на песок, и люди — не двадцать, а шестеро. Они стояли вокруг маленького костра. Остальных не было видно.

Начальник караула подошёл к Илье.

— Где ваши двадцать?

Дорофей ответил, не дожидаясь перевода:

— Не ваши. И не здесь.

Илья почувствовал, как все на палубе снова меняют положение, хотя никто ещё не шагнул. Личное поручительство удержало паром у причала и вывело его на воду. Оно не создало людей на косе.

— Где они? — спросил он.

— За внутренним рукавом, — сказал Дорофей. — Ночью вода сняла мостки. Большая лодка не прошла.

— Почему не предупредили?

— Лодку послали до подъёма. Она не вернулась.

— Тогда обмен сегодня невозможен.

— Передача сегодня возможна. Обмен — когда дорога даст.

Илья перевёл караульному. Тот засмеялся коротко и зло.

— Отлично устроились. Мы отдадим двенадцать, а потом подождём, пока их дорога соизволит.

Игнат повернулся к Дорофею:

— Нас поведут обратно?

Старик не ответил.

Паром приближался к косе. Вода здесь была бурой, с белыми косыми гребнями. Селиванов держал нос против течения и кричал промеры Костыльному. Пустой шест наклонялся над всеми, как стрелка, не решившая, куда указывать.

Илья поднял соглашение. Печать ещё блестела, отпечаток пальца Дорофея расплывался по волокнам бумаги. Его собственное имя стояло между двумя несовместимыми обещаниями. Комиссия считала, что безопасность кончается доставкой людей по списку. Берег считал, что поручитель отвечает за каждого, кого вывел на воду. Если повернуть назад, Дорофей скажет,

что Илья не удержал слово перед двенадцатью. Если высадить их без встречной группы, Марта назовёт это односторонней сдачей.

— Никто не сходит, — сказал он сначала на языке комиссии, потом на береговом. — Паром ждёт у косы до возвращения лодки. Двенадцать остаются на нашей половине палубы. Люди Дорофея — на своей. Караул не переходит черту. До появления двадцати передача не началась.

— Ты распоряжаешься паромом? — спросил Дорофей.

— Нет.

— Тогда кто удержит капитана?

Илья посмотрел на рубку. Селиванов слышал всё, что говорили по-комиссионному.

— До полудня постою, — сказал капитан. — Потом уголь или вода решат за вас.

Дорофей кивнул:

— Вот это гарант.

Паром ткнулся носовым брусом в песок. Матросы сбросили сходню, но Илья встал перед ней. Шестеро на косе двинулись навстречу и остановились, увидев, что никто не сходит. Среди них был Ратша: лодка уже лежала на песке, а мальчик держал в руках те самые чулки, которые Илья дал ему вчера.

Мальчик поднял их над головой.

— Твои забыли слово! — крикнул он.

Илья не понял, о чулках он или о двадцати людях.

За внутренним рукавом ударил далёкий колокол. Один раз, потом ещё два. Дорофей прислушался.

— Лодка дошла, — сказал он. — Теперь узнаем, вернётся ли.

Илья стоял у сходни, не позволяя ни одной стороне назвать ожидание передачей. Впервые его имя было не под переводом, а внутри него. И впервые ошибка в одном слове могла взыскать не с бумаги.

Глава 3. Соль на пристани

До полудня оставалось меньше двух часов, когда с Каменки пришёл катер комиссии.

Он не повёз ни людей, ни уголь. На носу под брезентом лежали шесть мешков зерна, а у рулевого стоял Гаврилов и держал над головой жестяную трубу с бумагами, словно от дождя следовало спасать именно их. Катер не мог подойти к косе вплотную. Матросы спустили плоскодонку, переложили в неё два мешка и трубу. Остальные четыре остались под брезентом.

— Это всё? — спросил Селиванов, когда плоскодонка ударилась о сходню парома.

— Это не вам, — ответил Гаврилов, поднимаясь на палубу. — Начальница велела выдать на пристани.

— На какой пристани?

Гаврилов посмотрел на песок косы, на шестерых островитян у погасшего костра, на двенадцать задержанных за меловой чертой и только тогда понял, что катер привёз его не туда.

— На этой, выходит. Приказ срочный.

Он вынул из трубы лист. Бумага была сухой, края — ровными, внизу стояла полная печать, не похожая на вчерашний полукруг. Илья прочитал заголовок: «О единовременной выдаче продовольственного зерна зарегистрированным дворам нижней пристани». Ниже перечислялись восемнадцать дворов, по пуду на каждый, с распиской старшего жильца. Шесть мешков как раз составляли назначенную меру. В конце Марта приписала карандашом: «Выдать без задержки. Незарегистрированным не отпускать. И. Кореневу перевести порядок на месте».

— Она знает, где мы? — спросил Илья.

— Знает, что паром задержан. С верхней пристани пришли за зерном ещё утром. Там толпа. Марта Карловна сказала отвезти сюда, пока не растащили склад.

Селиванов заглянул в лист через плечо Ильи.

— Шесть мешков на косе. Умно. Когда вода поднимется, выдадите рыбам по расписке.

— Катер перевезёт остальное, — сказал Гаврилов. — Начинайте с двух.

На береговом языке «двор» нельзя было прочитать как строку в ведомости. Двором называли и настил с домом, лодочным сараем и общей печью, и людей, которые держали один причал, и род, даже если часть рода зимовала в другом рукаве. Вязовый двор мог насчитывать три крыши и семь семей; дом Марка после пожара не имел крыши вовсе, но Яника всё равно называли человеком из дома Марка. Комиссия же ставила двор там, где обходчик однажды увидел дверь, хозяина и отдельный очаг.

В списке Марты значились Вязовый, Костровой, два Песчаных — первый и второй, Селезнёв, Мельничный и ещё двенадцать названий. Дома Марка не было. Не было Трёх Причалов, хотя человек с их знаком сидел сейчас у костра. Не было Рыбачьей вдовы: её настил смыло весной, а сама она жила по очереди у дочерей. Зато Песчаных было два, потому что обходчик застал две двери на одном общем настиле.

— Прочти, — сказал Дорофей.

Илья прочитал названия так, как они стояли в бумаге.

После четвёртого его остановили. Человек со знаком трёх причалов поднялся с песка.

— Ты дважды назвал Песчаный.

— В учёте два хозяйства.

— Там один огонь.

— Две двери.

— Дверь ест зерно?

На пароме засмеялись. Смех был негромким, но Гаврилов покраснел.

— Передайте им, — сказал он, — что списки составлялись по числу самостоятельных хозяйств. Каждому зарегистрированному хозяйству положено поровну.

Илья перевёл «самостоятельное хозяйство» как людей, которые отвечают за собственный котёл и работу. Это было ближе всего и уже неверно: у островитян собственный котёл не отделял человека от родового двора, если лодки вытаскивали вместе.

— Кто решил, чей котёл собственный? — спросил Дорофей.

— Обходчик.

— Он ел из него?

— Он записал жильцов.

— Значит, зерно получит его письмо.

Ратша подошёл к сходне, всё ещё сжимая Ильины чулки. На косе он казался меньше, чем вчера в дверях комиссии. Пальцы ног посинели от мокрого песка.

— Вязовому дадут? — спросил он.

— Вязовый есть в списке.

— Один мешок?

— Пуд.

— На какой дом?

— На двор.

— У нас три дома.

Гаврилов услышал знакомое число и спросил, о чём речь. Илья объяснил.

— В реестре Вязовый двор один. Значит, один паёк.

— А Песчаных два, — сказал Илья.

— Потому что они разделены.

— Для обходчика. Не для них.

— Мы не можем кормить по родословным. У нас восемнадцать единиц и восемнадцать пудов.

Слово «единица» Илья не перевёл. Он посмотрел на два мешка у сходни. Мокрая мешковина темнела снизу; зерно ещё не промокло, но долго держать его на открытой палубе было нельзя. Над внутренним рукавом снова ударил колокол: один протяжный звон. Дорофей повернул голову. Это не был условный ответ посланной лодки.

— Вода у мостков, — сказал он. — Поднимают настил.

— Наши двадцать пройдут? — спросил Игнат.

— Если успеют до перелива.

Селиванов вышел из рубки с карманными часами.

— Полтора часа. Потом снимаюсь. Катер пусть заберёт ваш хлеб или остаётся вместо нас.

Гаврилов разложил на доске ведомость и чернильницу.

— Начнём выдачу. Где старший Вязового двора?

Ратша поднял руку.

— Не смей, — сказал писарь. — Совершеннолетний кто?

Илья перевёл вопрос. Мальчик опустил руку не сразу.

— Дед Матвей за рукавом. Игнат здесь.

Гаврилов посмотрел на Игната за чертой.

— Он задержанный. Расписываться за хозяйство не может.

— Почему? — спросил Илья.

— Потому что находится под стражей комиссии.

— Его возвращают этому двору.

— Пока не вернули. Вы сами запретили считать передачу начатой.

Собственная точность вернулась к Илье чужим голосом. Если Игнат уже принадлежал Вязовому двору, двенадцать можно было признать переданными без встречных двадцати. Если он оставался задержанным комиссии, двор не имел здесь взрослого получателя. Одно и то же ожидание требовало двух разных имен.

- Пусть распишется Ратша, — сказал Илья.
- Несовершеннолетний.
- Здесь его признают посыльным двора.
- Посыльный переносит бумагу, а не получает продовольствие. Следующий.
- Человек со знаком трёх причалов шагнул к сходне.
- Три Причала, — назвал он себя.
- Гаврилов провёл пальцем по списку.
- Нет такого.

Илья не стал смягчать. Человек выслушал, затем снял с шеи деревянную дощечку. На ней были вырезаны три сходящихся мостка и девять коротких зарубок.

— Девять лодок ставят к нашим сваям. Весной мы вывели Мельничный, когда у них лёд унёс настил. Летом дали две сети Вязовому. Чей тогда двор был?

- Это обязанности между дворами, — перевёл Илья Гаврилову.
- Обязанности пайка не создают.
- Для них создают.
- В бумаге нет.

Илья передал ответ. Человек убрал дощечку и сказал:

— Тогда в бумаге нет девяти лодок. Когда позовёте, пусть бумага гребёт.

Он вернулся к костру. Остальные не засмеялись.

Катер подошёл снова и передал ещё два мешка. Рулевой крикнул, что у пристани Каменки люди уже спускаются к складу и Марта требует закончить выдачу до возвращения катера. Один из мешков был надорван. Из шва сыпалась тонкая струйка зерна, и Ратша, не спрашивая, подставил под неё чулок.

— Не трогать! — крикнул Гаврилов.

Мальчик отдёргнул руку. Несколько зёрен упали между досками. Он опустился на колени и стал доставать их из щели ногтем.

- Оставь, — сказал Илья.
- Соль пропадёт.
- Это зерно.

Ратша посмотрел на него с недоверием.

— Белое в Каменке тоже зовут зерном?

Илья понял. На островах соль и зерно выдавали одной мерой, из одного запертого пакугауза; то и другое было тем, что нельзя вырастить на затопленном настиле. В речи Ратши различались рожь, овёс, семенное и мучное. Общим словом для казённой сыпучей доли была соль — не по цвету, а по порядку получения.

- Он называет солью то, что приходит мерой со склада, — объяснил Илья.
- Пусть называет хоть песком, — сказал Гаврилов. — От этого реестр не изменится.

Но реестр уже менялся. Чтобы объяснить приказ, Илья должен был решить, кому именно полагается «соль»: дверям, котлам, родам, причалам или людям. Пока он выбирал слово, мешки мокли, вода поднималась, а невидимые двадцать оставались за внутренним рукавом.

Дорофей подошёл к меловой черте.

- Дай Вязовому. Мальчик отнесёт за рукав, если лодка вернётся.
- Не могу, — сказал Гаврилов, услышав перевод. — Нет законного получателя.
- Тогда мне, — сказал Дорофей.
- Вы из какого хозяйства?

Старик назвал свой двор. Он был в списке — под фамилией Дорофеева и номером семь.

- Получите за свой.
- Мой двор ел вчера.
- Приказом не предусмотрен перенос пайка.

— Кто просит переносить? Запиши, что взял я. Отдам Вязовому.

Гаврилов обмакнул перо, но Илья накрыл строку ладонью.

— Тогда бумага покажет, что двор Дорофея получил зерно, а Вязовый — нет.

— Бумага будет верна, — сказал писарь. — Кому он отдаст после, его дело.

— Нет. Бумага будет верна только до первого шага от стола.

— Вы здесь для перевода, Коренев.

Гаврилов сказал это без злости, почти устало. Именно так Марта говорила вчера: не вам решать цену. Илья убрал ладонь. Можно было дать зерну пройти мимо списка через частную передачу. Люди поели бы, приказ остался цел, а ложь началась бы после подписи и потому как будто никому не принадлежала.

Дорофей взял перо. Ратша всё ещё сидел у щели и собирал зёрна в чулок.

— Нет, — сказал Илья.

Старик поднял глаза.

— Теперь что?

— Получит Вязовый.

— Писарь не даёт.

— Даст тому двору, который записан.

Илья подвинул к себе ведомость. Возле «Вязового» в графе старшего жильца стояло: «Матвей Вязов, 61». Ниже мелким почерком были перечислены четыре человека. Игната среди них не было: вероятно, обход проводили уже после его задержания. Ратши тоже не было.

— Кто живёт у одного огня с Матвеем? — спросил Илья на береговом.

Ратша перечислил семью деда, потом вдову его брата с двумя дочерьми, Игната, себя, Костыльного зимой и ещё женщину с младенцем, чей муж ушёл на верхний рукав. Одиннадцать человек. Три крыши. Один двор.

— Где родители мальчика? — спросил Гаврилов.

Илья передал вопрос.

— Отец был от Липового, — сказал Ратша. — Мать пришла в Вязовый. Их взяла вода до моего имени.

— Что значит «до имени»?

— До того, как его поставили к работе двора, — объяснил Илья. — Родители умерли, когда он был мал.

— Сирота, значит. Где зарегистрирован?

Вопрос был простым. Илья просмотрел весь лист, затем приложение с населением нижней пристани. Ратши не было ни во Вязовом, ни в Липовом. Не было среди сирот Каменки. Не было даже строки с примерным возрастом.

— Нигде.

Мальчик понял ответ прежде перевода.

— Если меня нет, чулки чьи?

Он положил мокрый свёрток на ведомость. Из одного чулка выкатилось семь зёрен.

Гаврилов смахнул их, но не на пол: собрал в ладонь и высыпал на край мешка.

— Коренев, у нас нет времени переписывать перепись. Восемнадцать дворов. Выдаём тем, кто записан. Остальные подадут сведения после восстановления сообщения.

— После чего?

— После восстановления мостков.

— До него они должны есть.

— Все должны. Поэтому порядок и нужен.

Илья посмотрел на четыре мешка. Ещё два шли к ним на катере. Если вскрыть выдачу для каждого, кто назовёт связь с двором, зерно кончится до половины пристани. Если держаться

списка, получают две двери Песчаного, но не получают девять лодок Трёх Причалов и мальчик, который переносил между берегами их документы.

Марта оставила ему не право изменить приказ, а обязанность сделать его понятным. Понятность была опаснее прямого отказа: после точного объяснения исключённые знали бы не только, что зерна не получили, но и по какому имени их не существует.

— Напиши заголовок второй колонки, — сказал Илья Гаврилову.

— Какой?

— Местное соответствие.

— Нет такой графы.

— Теперь есть. Иначе вы не сможете взять расписку. Здесь никто не подпишется фамилией за то, что получил родовой двор.

— Приказ запрещает выдачу незарегистрированным.

— Я не добавляю ни одного двора. Я указываю, что значит каждый зарегистрированный двор на месте.

Гаврилов прижал перо к указательному пальцу. Чернила выступили у ногтя.

— Марта Карловна велела вам перевести порядок, не реестр.

— Без этого порядка нет. Есть восемнадцать названий.

Дорофей слушал, не понимая комиссионных слов, но следил за движением пера.

— Ты делаешь нам дома? — спросил он.

— Нет. Показываю им, кого они уже называли домами.

— Они называли двери.

— Тогда двери получают зерно.

Старик посмотрел на мешки и на Ратшу.

— Показывай.

Илья провёл вертикальную черту по свободному полю ведомости. Напротив Вязового написал: «родовой двор Матвея; три жилых дома; одиннадцать человек по сообщению двора». Напротив двух Песчаных сделал скобку: «один родовой двор; два зарегистрированных хозяйства». У Дорофеева указал местное название, не совпадавшее с фамилией. Потом остановился.

— Это сведения с их слов, — сказал Гаврилов.

— Так и пометьте.

— Вы превращаете выдачу в новый учёт.

— Она и есть учёт. Только до сих пор его последствия лежали на складе.

Гаврилов оглянулся на катер, словно Марта могла стоять там за рулевым. Затем написал над колонкой: «Со слов присутствующих, без удостоверения». Это спасало его руку, но не людей.

Илья вызвал названия по одному. За Селезнёв отозвалась женщина с косы; она была дочерью старшего, но жила в Мельничном после замужья. Писарь хотел отказать ей. Дорофей подтвердил, что её лодка всё ещё выходит от Селезнёва и две зимы она содержала отцовскую печь. Гаврилов записал её расписку с пометой. За Мельничный некому было отвечать: все оставались за рукавом. За Костровой поднял руку один из двенадцати задержанных. Ему, как Игнату, запретили подписывать до передачи.

Тогда Илья ввёл ещё одну строку: «Пай отложен на пароме до появления признанного двором получателя». Зерно отмеряли в запасной парусиновый мешок и ставили у правого борта, не меняя стороны меловой черты. Формально выдачи не было. Фактически доля уже отделялась от общего запаса.

— Так можно отложить всё, — сказал Гаврилов.

— Нет. Только то, за чем пришёл названный в списке двор.

— Кто пришёл? Задержанный?

— Его голос.

Гаврилов скривился, но записал: «Костровой — заявлен присутствующим уроженцем, личность не удостоверена». Илья перевёл эту фразу береговым как: человек назвал огонь, у которого его помнят, а комиссия пока не признала его лицом. Мужчина за чертой долго смотрел на него.

— Ты плохо сказал или они плохо написали?

— Одинаково.

Катер привёз последние мешки. Рулевой сообщил, что на Каменской пристани разбили складское окно. Марта отправила караул и требует вернуть катер немедленно.

— Заканчивайте! — крикнул он.

В ту же минуту за внутренним рукавом раздалось три быстрых удара колокола. Дорофей вскинул руку. С косы ответили двумя. Из-за камыша показалась лодка — сначала чёрная точка, затем высокий нос. Она шла тяжело, против бокового течения. В ней сидели пятеро, не двадцать.

— Где остальные? — спросил Игнат.

Дорофей молчал до тех пор, пока лодка не подошла достаточно близко. На носу стояла женщина в мужском полушубке и размахивала красной тряпкой. Раненый или больной лежал между банками.

— Мостки ушли, — крикнула она. — Людей ведут верхней гатью. Не раньше вечера.

Селиванов закрыл часы.

— Всё. Через десять минут снимаюсь.

Начальник караула приказал двенадцати отойти от борта. Дорофей шагнул к сходне, но Илья удержал его.

— Передачи не было.

— Не было, — согласился старик. — А зерно было.

У лодки собрались люди. Лежащего перенесли на песок. Это оказался старик с расщеплённым бедром; кровь пропитала штанину, но он был в сознании и требовал не резать сапог. Женщина сказала, что настил ударил его бревном. Санитар с парома спустился к нему.

За лодкой пришли ещё семеро, пешком по мелководью, держа узлы над головами. Среди них была Рыбачья вдова. Илья узнал её по описанию Дорофея: высокая, с белой прядью, заплетённой отдельно. Она сразу подошла к мешкам.

— Моё где?

Её не было в списке.

— Комиссия не зарегистрировала ваш двор, — сказал Илья.

— Двор взяла вода. Меня не взяла.

— Поэтому вас считают приписанной к дочерям.

— К какой?

У неё было две дочери в разных рукавах. В приложении женщина того же возраста и имени стояла у старшей, но без прозвания; Илья не мог доказать, что это она. Если признать запись, Рыбачья вдова войдёт в Мельничный как жалец и увеличит число людей, но отдельной доли не получит. Если не признать, её не будет вовсе.

— К Мельничному, вероятно.

— Вероятно пусть ест твой писарь.

Она взяла горсть зерна из надорванного мешка. Караульный двинулся к ней. Илья встал между ними.

— Горсть не меняет выдачу.

— Тогда зачем вы считаете зёрна? — спросил караульный.

Гаврилов держал ведомость обеими руками. Ветер трепал пришитый край, новая колонка уходила к самому сгибу.

— Коренев, решайте. Катер уходит.

Илья посмотрел на Ратшу. Тот уже не собирал просыпанное. Он стоял рядом с Рыбачьей вдовой, и оба отсутствовали в бумаге по разным причинам: мальчик потому, что его не успели назвать, женщина потому, что вода уничтожила единицу, через которую её признавали. Между ними лежало зерно, выданное восемнадцати дверям.

Можно было объявить всех присутствующих временными жильцами зарегистрированных дворов. Это открыло бы мешки, но превратило родство и взаимную помощь в удобную приписку комиссии. Завтра тот же приём определил бы, кого эвакуировать, а кто окажется лишним членом уже заполненного хозяйства. Можно было отказаться переводить. Тогда приказ исполнили бы по фамилиям, не понимая местных возражений, и Илья сохранил бы чистыми только свои руки.

Он взял лист и прочитал весь список заново. На этот раз после каждого комиссионного названия произносил местное соответствие и число людей, которых назвали присутствующие. Не говорил, что одно равно другому. Говорил: «Комиссия выдаёт этому имени. Берег под этим именем сейчас показывает этих людей». Песчаный прозвучал дважды в первой части и один раз во второй. Вязовый — один раз и как одиннадцать человек. Три Причала не прозвучали в первой части вовсе.

Когда он закончил, на косе стало тихо.

— Значит, нам нет соли, — сказал человек с дощечкой трёх причалов.

— В этом приказе нет.

— А когда ваши люди пойдут верхней гатью, девять лодок им будут?

— Будут нужны.

— Пусть приказ попросит.

Он отвернулся.

Илья сказал Гаврилову:

— Выдавайте только восемнадцати записанным. Но оставьте новую колонку и приложите список исключённых: Три Причала, Рыбачья вдова, Ратша и все, кого назовут до отхода.

— Это нарушение?

— Нет. Приказ я не меняю.

— Тогда зачем приложение?

— Чтобы завтра нельзя было сказать, будто мы их не видели.

Гаврилов посмотрел на него почти с жалостью.

— Завтра скажут, что вы признали их претензии.

— Я признал присутствие.

— Для бумаги это одно и то же, если не указано основание.

— Укажите: «В выдаче отказано из-за отсутствия регистрации».

Перо застыло над листом.

Такой список был хуже тайной пометки во внутренней обложке. Степана Илья спрятал от власти, оставив без официального существования. Этих людей он собирался показать власти именно как исключённых. Сегодня запись могла дать им право на следующую выдачу. Завтра — обозначить как незарегистрированных, самовольно живущих у пристани. Он не знал, какая из двух возможностей наступит первой.

— Пишите, — сказал он.

Гаврилов написал.

Ратша отказался назвать возраст. Сказал: «После большой воды три зимы». Дорофей уточнил, что той воды было семь лет назад. В приложение внесли: «около десяти». Рыбачья вдова назвала себя Домной, но фамилии не дала: «Фамилия мужа утонула раньше дома». Её записали Домной Рыбачьей, приблизительно пятидесяти лет. Представитель Трёх Причалов назвался Саввой, сыном Никиты; комиссионной фамилии не знал. За ним подошли ещё четверо.

Зерно выдавали быстро. Дорофей получил долю своего зарегистрированного двора и тут же отсыпал треть Вязовому, но теперь Илья не остановил его: отдельная доля Вязового стояла опечатанной у борта, ожидая Матвея или признания Игната после обмена. Старик делился своим. Бумага не лгала о движении казённого зерна; она просто переставала видеть его после меры.

Песчаный получил две доли. За обе расписался один человек, поставив разные кресты — правой и левой рукой. Гаврилов заметил, но промолчал. Мельничный пай оставили на катере: никто из присутствующих не мог подтвердить получателя без спора. Костровой и Вязовый остались на пароме в двух малых мешках. Всего выдали четырнадцать долей, две отложили, две вернули.

— Восемнадцать сошлось, — сказал Гаврилов, пересчитывая строки.

— Люди нет, — ответил Илья.

Селиванов приказал поднимать сходню. Раненого старика внесли на паром: санитар настоял, что в Каменке рану нужно промыть и зашить. Дорофей потребовал записать, что старик не задержан и будет возвращён. Гаврилов уже убрал чернильницу.

— Пишите на обороте, — сказал Илья.

— Там приложение исключённых.

— Тогда ниже.

Писарь нашёл место. Илья продиктовал обе формулы: комиссия принимает раненого для лечения; берег передаёт человека воде парома, но не власти комиссии. Ни одна сторона не признала формулу другой. Обе поставили отметки.

Паром дал задний ход. Двенадцать возвращаемых остались на палубе, двадцать встречных — за затопленным рукавом. Дорофей сошёл на косу. Ратша стоял рядом с ним в Ильиных чулках: один был набит зерном и привязан к поясу, второй мальчик натянул на обе ступни сразу, прорезав в пятке отверстие.

— Теперь мои? — крикнул он, когда вода между сходней и песком стала шире.

Илья не понял, спрашивает мальчик о чулках или об имени в приложении.

— Твои.

— А соль?

Илья посмотрел на маленький мешок Вязового у борта.

— Двора.

Ратша кивнул, будто другого ответа и не ждал.

Уже в протоке Гаврилов подал Илье ведомость.

— Подпишите перевод.

Внизу оставалось место для одной строки. Илья мог написать, что местные соответствия сообщены присутствующими и точность их не удостоверена. Тогда вся новая колонка стала бы слухом. Мог подтвердить её как переводчик, хотя часть сведений слышал впервые и не проверял.

— Я подтверждаю соответствие слов, не состав людей, — сказал он.

— Так и напишите.

Он написал: «Перевод названий и заявленного местного состава выполнен; тождество административного хозяйства родовому двору не удостоверяю». Подписался.

Гаврилов прочёл дважды.

— Марта Карловна спросит, почему вы тогда выдали по этому листу.

— Потому что её приказ требовал выдать зарегистрированным.

— А исключённых зачем записали?

— Потому что её порядок их исключил.

— Вы думаете, различие спасёт вас?

Илья сложил ведомость так, чтобы новая колонка оказалась внутри.

— Нет.

На корме Костыльный привязал два отложенных пайка к кольцу. Меловая черта почти исчезла под ногами, но задержанные по-прежнему не переходили её. Игнат смотрел на мешок Вязового.

— Матвей не придёт до вечера, — сказал он. — Отдайте мальчику.

— Не могу.

— Ты только что написал, что он наш.

— Я написал, что он назвал ваш двор. Комиссия его не зарегистрировала.

— Для зерна он не наш, для твоего списка — наш?

Илья хотел объяснить разницу между приложением и реестром, присутствием и правом получения. Все слова были точны. Вместе они означали, что Ратша существует достаточно, чтобы быть отмеченным как исключённый, но недостаточно, чтобы есть.

— Да, — сказал Илья.

Игнат отвернулся.

К Каменке паром шёл против потемневшей воды. На пристани виднелась толпа, перед складом стоял караул. Катер обогнал их, увозя два невостребованных пая и ведомость с новой колонкой. Гаврилов сидел на корме, прижав трубу к коленям.

Илья смотрел, как расстояние между катером и паромом растёт. В трубе лежало рабочее соответствие: восемнадцать казённых дворов, их местные имена, число названных людей и отдельный перечень тех, кому отказали. Без него следующая выдача снова стала бы слепой. С ним комиссия могла считать острова точнее.

На косе Ратша поднял руку. Издали чулок у его пояса казался маленьким белым флагом.

Илья не ответил. Он уже знал, что Марта сохранит таблицу.

Глава 4. Чужой сын

В Каменке паром встретили не криком, а тишиной, оставленной после крика. Перед складом валялась выбитая рама, стекло втоптали в зерновую пыль, и караульные держали толпу на таком расстоянии, будто за дверью лежала не мука, а порох. На стене висел новый лист: фамилии восемнадцати получателей и время следующей выдачи. Ниже кто-то углём приписал: «А остальные водой сыты».

Двенадцать задержанных увели не в подвал управы, а в пустой пакгауз у пристани. Это было уступкой Илье: пока двадцать островитян не прибыли к месту передачи, людей на пароме считали не возвращёнными и не вновь арестованными, а «ожидающими продолжения переправы». Караул сменился, замок остался тот же.

Раненого старика понесли в лазарет. Он держал Илью за рукав, пока носилки не подняли на мостки.

— Ты написал, что я не ихний?

— Написал.

— Бумага со мной идёт?

— У санитара копия строки.

— А если я помру?

Илья не сразу понял вопрос.

— Тогда что писать? — пояснил старик. — Что вода взяла или ваши?

— Что умер от раны.

— Это третье. Третьего мы не давали.

Носильщики двинулись, и рукав выскользнул из пальцев старика. Илья проводил его взглядом. На пристани всякое действие требовало принадлежности: мешок был казённый или дворовый, человек — задержанный или переданный, смерть — от воды или от власти. Даже случайность здесь принимали только после того, как ей назначали берег.

В конторе комиссии горели две лампы. Марта Вельская стояла у стола, прижав ладонью ведомость Гаврилова. Рядом лежали осколок кирпича и жестяная кружка с россыпью зерна — добыча с разбитого окна.

— Четырнадцать долей выданы, две оставлены на пароме, две возвращены, — сказала она. — При этом голодных стало больше на девять имён. Я правильно понимаю результат вашего перевода?

— Голодных не стало больше. Стало известно больше.

— Для склада это одно и то же.

Она повернула лист. Рабочая колонка была обведена синим карандашом. Возле Вязового двора стояло: «одиннадцать человек, три кровли, общий огонь». Возле Песчаного — два казённых номера, сведённые фигурной скобкой к одному местному названию. Приложение отказанных Марта уже успела перенести на отдельный лист.

— Этого мальчика, — она постучала ногтем по имени Ратши, — вы раньше видели?

— Он приносил тетрадь Дорофея.

— Значит, он посыльный старшины, не беспризорный.

— Одно не исключает другого.

— Для пайка исключает. За служащего отвечает тот, кто его посылает.

— Дорофей считает, что отвечает двор.

— А двор, по вашим словам, не является хозяйством.

— По моим словам, он не всегда им является.

Марта подвинула ведомость к лампе.

— Вы оставили мне таблицу, в которой каждое слово означает «иногда». Иногда двор — род, иногда огонь, иногда лодочная повинность. Иногда сын — тот, кого кормят, иногда тот, чьё имя носит. Как мне по ней вывозить людей, если нижние острова затопит?

Илья посмотрел на неё.

До этой минуты эвакуация существовала как слух: вода выше прошлогодней отметки, дамба течёт, баржи считают, лазарет освобождают. Теперь слово прозвучало в комнате комиссии и сразу потребовало таблицы.

— Когда? — спросил он.

— Если, а не когда.

— Вы сказали «вывозить».

— Я сказала, что любой учёт должен отвечать на практический вопрос. Ваш отвечает?

— Он показывает, почему ваш прежний список не отвечает.

Марта взяла с блюда несколько зёрен и выложила их на стол: пять в один ряд, четыре в другой, одно отдельно.

— Баржа берёт четыреста человек, если не грузить скот и печи. В дельте, по последней переписи, тысяча сто восемьдесят два. По вашим дворам может оказаться тысяча четыреста или девятьсот. Я не могу посадить на палубу понятие общего огня.

— Но можете оставить за бортом человека, которого ваш номер не видит.

— Поэтому вы и здесь.

Это прозвучало без угрозы и оказалось хуже угрозы. Марта не требовала от него оправдания. Она уже превратила его возражение в должность.

— До утра, — сказала она, — сведите приложение с регистрацией. Не признавайте новых хозяйств. Укажите, к какому зарегистрированному двору каждый фактически относится и на каком основании: проживание, родство, содержание, работа. Мне нужен счёт людей, а не спор о названиях.

— Эти основания друг другу противоречат.

— Тогда поставьте главное.

— Для кого главное?

— Для посадки на судно.

Она собрала зёрна обратно в кружку, не потеряв ни одного.

— И ещё. До прибытия двадцати никто из пакгауза не выходит. Если обмен не состоится завтра, вы объясните обеим сторонам, что личное поручительство не отменяет караула.

— Моё поручительство было о безопасности передачи.

— Именно. Передачи пока нет. Значит, оно продолжается.

На лестнице Илью ждал мальчик лет пятнадцати. Не Ратша: этот был выше, в городских сапогах не по ноге и в коротком тулупе, из которого вырос. Свет из конторы падал ему на лицо, а остальное скрывала тень.

— Коренев?

— Кто спрашивает?

— Мне сказали, ты пишешь, чей кто.

— Кто сказал?

Мальчик кивнул в сторону пристани. Там уже знали содержание таблицы, хотя ведомость не покидала комнаты Марты. Возможно, Гаврилов рассказал писарям, рулевой — грузчикам, а те добавили к новости собственную надежду. В Каменке бумага начинала действовать раньше подписи.

— Имя?

— Левко Сиверцев.

Он произнёс фамилию отчётливо, по-городскому. Затем добавил тише:

— С Ольхового Берега.

Ольховый Берег был переселенческой слободой на правом рукаве. Комиссия считала её частью Каменского участка, береговые — чужой землёй за старой межей. Там жили семьи, пришедшие ещё до войны на осушённые полосы; они платили сбор управе, но лодки на общий зов давали через раз.

— Что тебе нужно?

— Впиши меня к островным.

— Зачем?

— Затем, что вы их повезёте.

Илья невольно оглянулся на закрытую дверь Марты.

— Кто сказал про вывоз?

— Никто. У пристани конопатят две баржи и снимают перегородки. На складе считают сухари не по ротам, а по душам. Если бы хотели везти солдат, оставили бы стойла для лошадей.

Мальчик говорил быстро, но не торопился. Он подготовил доводы.

— Ольховый Берег тоже относится к участку.

— На бумаге. А лодки будут с островов.

— Почему ты так решил?

— Потому что у островных лоцманы. И потому что ваши сначала вывезут тех, кого боятся потерять для обмена. Остальных — если останется место.

Илья хотел сказать, что эвакуация ещё не объявлена. Но мальчик просил не предсказание, а запись.

— Ты чей сын?

Левко замолчал.

— Савелия Сиверцева, — наконец сказал он. — По церковной книге.

— А фактически?

— Вот это и надо написать иначе.

Они вышли во двор. Дождь кончился, зато с реки тянуло холодом. За стеной пакгауза кто-то кашлял. Караульный ходил от двери до фонаря и обратно, каждый раз задевая сапогом одну и ту же щепку.

Левко рассказал без просьб о жалости. Савелий Сиверцев женился на его матери, когда мальчику было три года. После её смерти держал пасынка ещё семь лет, потом женился снова. Весной Левко выгнали из дома: сперва спать в сарай, затем совсем. Он нанимался на пристани, два месяца жил у кузнеца в Каменке, летом ушёл к островным косить камыш. В Вязовом дворе его кормила сестра Игната, Марфа. Там он чинил донья лодок и спал на печи. Когда начались облавы, вернулся на Ольховый Берег за метрикой. Савелий бумагу не отдал.

— Значит, ты просишь записать проживание в Вязовом.

— Нет. Сыном Марфы.

— Она тебя усыновила?

— У них нет такого слова.

— Есть.

— Не для этого. Если ешь у огня и выходишь на лодке вместо больного, ты домашний.

Ратша сказал.

Илья присмотрелся к нему.

— Ты видел Ратшу?

— Он был у склада. Продал горсть зерна за ремень.

— Не мог он продать зерно. Оно двора.

— Ремень тоже теперь двора, — пожал плечами Левко.

— Марфа подтвердит, что ты её сын?

— Она за внутренним рукавом.

— Игнат?

— В пакгаузе.

— Савелий?

Левко посмотрел на освещённые окна конторы.

— Он подтвердит, что я ему никто.

Это было первое основание, которое можно было проверить немедленно.

Ольховый Берег начинался за кирпичным заводом. Илья взял у караула фонарь и служебную дощечку, хотя не имел поручения покидать пристань. Левко шёл на полшага сзади и дважды пытался свернуть к короткой тропе. Илья оставался на дороге: в темноте всякая поспешность делала его похожим на человека, который ведёт обыск.

Слобода стояла выше воды, но канавы уже переполнились. У домов лежали узлы, связанные заранее. На воротах Сиверцевых белела цифра 37 — комиссионный номер хозяйства. Левко остановился за изгородью.

— Сам зайдёшь, — сказал он.

— Ты просишь изменить запись о тебе.

— Поэтому и не зайду. Он при тебе скажет не то.

— Какое «не то»?

— Что я сын.

Дверь открыл мужчина с голой шеей и засученными рукавами. Он увидел дощечку, фонарь, Илью, затем мальчика у изгороди — и сразу понял причину прихода.

— Не числится, — сказал Савелий вместо приветствия.

— Где?

— У меня. С весны не числится.

— В реестре он записан вашим сыном.

— Реестр старый.

Из-за его плеча выглянула женщина. В комнате плакал ребёнок. На столе стояли мешочки с крупой, каждый перевязан отдельной бечёвкой.

— Он хочет, чтобы его отнесли к Вязовому двору, — сказал Илья.

Савелий усмехнулся.

— Пусть относят. Только долю мою не трогайте.

— Он просит признать себя сыном женщины из Вязового.

— Живая мать была одна.

— Вы признаёте его своим сыном?

— По покойной — был. По дому — нет.

Илья повторил вопрос на местном обороте, которым пользовался Дорофей: чей огонь отвечает за человека и чей человек отвечает на зов лодки. Савелий понял, хотя поморщился.

— У моего огня его нет. На мою лодку не встанет. Если долг сделает — с меня не спрашивать.

— А если его будут вывозить?

В комнате перестал плакать ребёнок. Женщина за спиной Савелия шагнула ближе.

— Куда вывозить? — спросила она.

— Решения нет.

— Тогда чего спрашиваете?

— Проверяю состав хозяйства.

Савелий посмотрел на узлы у стены, потом на жену.

— У нас четверо, — сказал он. — Я, хозяйка и двое малых.

— В реестре пятеро.

— Исправляйте.

— Если мест на судне будут давать по записи, вы отказываетесь от места Левко?

— От чужого места нельзя отказаться.

Левко за изгородью не двигался. Илья видел только носки его больших сапог.

— Подпишите.

Савелий отступил.

— Я словом сказал.

— Для комиссии слово не меняет реестр.

— А мне его бумага не меняет.

— Тогда он останется вашим сыном там и чужим здесь. Вам дадут долю или место на пятерых, а отвечать за него вы не станете.

Женщина тихо сказала:

— Подпиши, Савелий.

Он обернулся к ней.

— Чтобы потом сказали, будто я ребёнка выгнал?

— Ты его выгнал.

— Не своего.

— Тогда подпиши.

Савелий вынес чернильницу, но своей бумаги не дал. Илья написал на обороте служебной дощечки черновую формулу: «Савелий Сиверцев, дом 37 Ольхового Берега, подтверждает, что Левко Сиверцев с весны в хозяйстве не проживает, содержания не получает, работой и долгом дому не обязан». Не написал «не сын». Родство оставалось в церковной книге; он фиксировал только те основания, которые потребовала Марта.

— А место? — спросил Савелий.

— Какое?

— Которое на него считали.

— Ещё не считали.

— Но если будут?

— Вы только что подтвердили, что он не входит в ваш дом.

Савелий поставил крест.

На обратной дороге Левко долго молчал. Потом спросил:

— Теперь вступишь к Марфе?

— Теперь я могу вычеркнуть тебя из хозяйства Сиверцева.

— Я не просил вычёркивать в пустоту.

— Другого подтверждения нет.

— Игнат есть.

— Игнат задержан и сам не признан получателем двора.

— Зато ты признал его голос, когда зерно откладывал.

Мальчик точно нашёл шов в решении Ильи. На косяк голос Игната позволил отложить пай, но не получить его. Если теперь тот же голос станет основанием для принадлежности Левко, таблица будет содержать разные меры доказательства.

— Он может подтвердить, что ты жил у Марфы, — сказал Илья. — Не то, что ты её сын.

— А кто может?

— Марфа.

— Пока она придёт, баржи уйдут.

— Баржи никуда не назначены.

— Тогда зачем ты ходил ночью спрашивать про место?

У кирпичного завода они встретили подводу с пустыми бочками. Возница сообщил караульному, что вода перешла нижнюю дорогу. К рассвету проезд к Ольховому Берегу мог закрыться. Левко слушал, не перебивая.

— Если я останусь у Сиверцева, он возьмёт моё место, — сказал он. — Если ты вычеркнешь, его не возьмёт никто. Разница для меня какая?

— В первом случае комиссия думает, что спасла тебя.

— А во втором знает, что бросила?

— Да.

— Ратше это помогло поест?

Илья не ответил.

У пакгауза начальник караула отказался впустить Левко. Илья показал дощечку и потребовал вывести Игната для опознания. Начальник прочитал черновую запись, решил, что речь о следствии, и велел поставить задержанного у внутренней двери, за решёткой.

Игнат вышел босиком: сапоги у двенадцати отобрали на ночь, чтобы не бежали. Увидев Левко, он сначала нахмурился, затем назвал его не по фамилии:

— Щепка. Ты откуда?

— Из своего дома выгнали, в ваш не вписывают.

— Марфа говорила: весной приходи.

— Я пришёл летом.

— Значит, рано.

Левко ухватился пальцами за решётку.

— Скажи ему, что я Марфин сын.

Игнат посмотрел на Илью.

— Для чего?

— Чтобы на баржу взяли.

— Какую баржу?

Илья перебил:

— Подтвердите только то, что знаете. Он жил у Марфы?

— С сенокоса до Покрова почти. Ел там. Днища латал. Два раза выходил на ночной зов вместо Федота.

— Марфа называла его сыном?

— Нет.

Левко резко отступил от решётки.

— Потому что у вас так не говорят!

— А ты зачем говоришь? — спросил Игнат.

— Потому что ему иначе нельзя написать.

Игнат понял. Его лицо стало спокойным и тяжёлым.

— Запиши: был при Марфином огне и два зова за двор отдал. Этого довольно.

— Для проживания — да. Родства — нет.

— Какого тебе родства надо?

— Комиссия считает людей по хозяйствам. Она требует главное основание.

— Главное для чего?

— Для возможного вывоза.

Караульный поднял голову. За дверью пакгауза перестали разговаривать. Илья услышал, как его собственные слова проходят через доски. К утру вся пристань будет знать уже не слух, а то, что переводчик комиссии проверяет дворы для возможного вывоза.

Игнат приблизил лицо к решётке.

— Тогда он Вязовый.

— Вы можете принять его за двор?

— Я могу сказать, что он работой место держал.

— Если Марфа откажется?

— Спросишь с меня.

— Вы под стражей и не представляете двор перед комиссией.

— На пароме представлял, когда вам мешок удобно было не отдавать.

Тот же шов, те же пальцы. Илья мог назвать разницу: пай оставили до признанного получателя, а не выдали по заявлению Игната. Но тогда выходило, что голос задержанного годился удержать зерно и не годился спасти человека.

— Назовите его положение у вас без слова «сын», — сказал Илья.

Игнат подумал.

— Подменный.

— Это работник?

— Работнику платят. Подменный отдаёт за дом чужие руки, пока своих не хватает. Потом дом отдаёт руки ему.

— Он член двора?

— Пока долг не вернули — да.

— Какой долг у двора перед ним?

— Два ночных выхода. И хлеб до весны, потому что Марфа позвала.

Левко закивал.

В комиссионной таблице были четыре основания: проживание, родство, содержание, работа. «Подменный» входил сразу в три и ни в одно полностью. Если перевести его как работника, Левко могли вывезти последним, после членов семей. Если как иждивенца — потребовать подтверждение хозяйки. Если как сына — запись противоречила метрике и словам Игната. Точный перевод не находил для него места; место нужно было создать решением.

Илья написал: «Левко Сиверцев, проживал при Вязовом дворе с сенокоса; дважды исполнял лодочную обязанность вместо членов двора; по заявлению Игната из Вязового имеет незакрытое взаимное обязательство содержания до весны. Для целей временного учёта относится к Вязовому до личного подтверждения Марфой».

— Прочти, — потребовал Игнат.

Илья перевёл запись обратно, не заменяя «временный учёт» родством.

— Значит, не сын, — сказал Левко.

— Значит, место Сиверцева больше не может считаться твоим. А Вязовый должен назвать тебя при посадке, если она будет.

— Должен?

— По этой записи — да.

Игнат просунул два пальца между прутьями.

— Слышал, Щепя? За два выхода мы тебе должны.

Левко не взял его руку.

— А если Марфа скажет, что не звала?

— Тогда я соврал, — ответил Игнат. — Со мной и считайся.

Начальник караула велел увести задержанного. Перед тем как дверь закрылась, Игнат спросил Илью:

— Двенадцать ваших за нами приедут?

— Двадцать островных ведут верхней гатью. Утром попробуем снова.

— Я спросил про двенадцать.

Илья понял: Игнат намеренно поменял стороны. Для него люди в пакгаузе уже стали «вашиими» — теми, за кого теперь отвечает поручитель.

— До завершения обмена они под моей записью.

— Запись ночью греет хуже сапог.

Дверь закрылась.

В конторе Гаврилов переписывал таблицу начисто. Узнав о Левко, он потребовал метрику, подпись Марфы и разрешение Марты. Илья положил перед ним крест Савелия и показание Игната.

— Один отказывается, другой принимает, — сказал он. — Оба основания записаны.

- Задержанный не может принимать кого-либо в хозяйство.
- Он не принимает. Он подтверждает прежнее обязательство.
- А вы относите мальчика к двору.
- Временно, для учёта людей.
- Марта Карловна велела не признавать новые хозяйства.
- Хозяйство не новое.
- Тогда в нём станет двенадцать вместо одиннадцати.
- Вчера в нём было одиннадцать со слов присутствующих. Сегодня мы узнали о двена-

дцатом.

Гаврилов снял очки и протёр их краем бумаги.

— Коренев, вы понимаете, что произойдёт? Завтра сюда придут все, кого выгнали, бросили, наняли на неделю или пустили переночевать. Каждый найдёт задержанного, который подтвердит ему незакрытый долг.

- Тогда придётся проверять.
- Чем? Ещё одной таблицей?
- Людьми.
- Люди лгут.
- Бумага тоже. Только дольше.

Гаврилов вернул очки на нос.

— Я не внесу без начальницы.

Марта выслушала их стоя. Ночь делала её лицо старше, но голос оставался ровным.

— Если мы оставим мальчика у Сиверцева, — спросила она, — что изменится практически?

- Дом 37 получит расчёт на пятерых, хотя признаёт четверых. Левко не получит ничего.
- Если перенесём к Вязовому?
- У Вязового будет двенадцать. При выдаче на двор не изменится ничего. При выдаче на человека — одна доля перейдёт от Ольхового Берега островным.

- А при эвакуации?
- Он будет предъявлен Вязовым как свой.
- Без кровного родства.
- По взаимной обязанности.

Марта посмотрела на Левко. Тот снял шапку, но не опустил глаз.

- Почему вы хотите к ним?
- Они меня кормили.
- Сиверцев тоже кормил десять лет.
- За мать.
- А они за что?
- За работу. И вперёд.
- Значит, вам выгоднее долг, чем родство?

Левко подумал.

— Долг можно спросить.

Марта взяла синий карандаш. Илья ожидал, что она зачеркнёт строку. Вместо этого она провела от дома 37 к Вязовому стрелку и надписала: «условно до сверки».

— Внести, — сказала она Гаврилову. — Не сыном. Временным членом по взаимному обязательству. Отдельного места и пайка запись не создаёт. При посадке учитывается только в составе Вязового, если представитель двора подтвердит перед комиссией.

- Игнат уже подтвердил.
- Игнат задержанный. Пусть подтвердит свободный представитель.
- До прихода Марфы лодки могут уйти.

— Тогда подтвердит Дорофей.

— Он не хозяин Вязового.

— Но вы вчера принимали его слово о составе дворов.

Теперь Марта нашла тот же шов — и использовала его не как возражение, а как крепление.

— Почему вы согласились? — спросил Илья.

— Потому что Сиверцев добровольно отказался от расчёта на пятого. У нас не стало больше людей. Стало точнее место одного.

— Если бы число увеличилось?

— Тогда решение было бы другим.

Левко шагнул к столу.

— Значит, я теперь островной?

Марта ответила раньше Ильи:

— Для этой таблицы.

— А для баржи?

— Баржи пока нет.

— А когда будет?

— Тогда выяснится, что значит таблица.

Мальчик надел шапку. Он получил ровно то, о чём просил, и впервые выглядел испуганным. Пока принадлежность была надеждой, она казалась простой. Записанная с условиями, она стала обязательством перед людьми, которые могли его не принять, и отказом от дома, который уже отказался от него.

У двери Левко задержался.

— Сиверцеву скажут, что место сняли?

— Утром, — сказала Марта.

— Я сам скажу.

— Зачем?

— Чтобы он второй раз не отказывался.

Он ушёл.

Гаврилов перенёс строку начисто. Когда дошёл до основания, места в колонке не хватило. Он сократил «взаимное обязательство содержания» до «иждивение».

— Нет, — сказал Илья. — Иждивенцем он не был.

— Но его кормили.

— Он выходил за двор на ночной зов.

— Тогда «работник».

— Ему не платили, и двор обязан кормить его впереди.

— У меня одна строка.

Илья взял перо и написал мелко в две: «подменный: работа за двор с ответным содержанием». Рядом оставил местное слово без перевода и дал сноску на обороте. Марта наблюдала молча.

— Вы опять создаёте понятие, которого нет в форме, — сказал Гаврилов.

— Оно было до формы.

— Для эвакуационной ведомости сноски никто читать не будет.

— Тогда слово нельзя сокращать.

Марта закрыла чернильницу.

— Будут читать, пока вы здесь, Корнев.

Он услышал продолжение, которого она не произнесла: потом таблица останется без него.

К рассвету приложение выросло до семнадцати имён. Слух о проверке дворов привёл в контору вдову, двух учеников без хозяина, старуху, жившую по очереди у трёх дочерей, и

солдата без части. Илья никого больше не переносил между общинами. Он записывал основания, противоречия и тех, кто мог подтвердить. Гаврилов ворчал, но оставлял пустое место для решения.

С пристани донёлся протяжный гудок. Селиванов прогревал паром. Из верхнего рукава пришёл человек Дорофея: двадцать ведут по насыпи, будут к полудню, если не размост мост у старой мельницы. Обмен снова отступил на несколько часов, но не сорвался.

Илья вышел на крыльцо. В сером свете Ольховый Берег был виден за заводской трубой: крыши стояли на сухом, дорога уже блестела водой. Левко шёл туда один, оставляя глубокие следы чужих сапог.

Марта встала рядом.

— Вы спасли ему место, которого ещё нет, — сказала она.

— Вы согласились только потому, что число не изменилось.

— Число всегда изменяется. Управлять можно лишь тем, в каком месте мы признаём изменение.

— Он не стал другим человеком за ночь.

— Для Сиверцева стал давно. Для Вязового — летом. Для нас — сегодня.

Она говорила почти устало, без привычной уверенности. На миг Илье показалось, что Марта видит опасность той же таблицы. Но затем она добавила:

— Закончите к вечеру все соответствия. Если нижняя дамба не выдержит, завтра этот лист станет посадочным.

Так слово «если» потеряло последнюю защиту.

Илья вернулся к столу и провёл пальцем по стрелке от дома 37 к Вязовому. Вчера он записал Ратшу как исключённого, достаточно видимого для отказа. Сегодня нашёл Левко место, не называя его сыном и не прибавляя человека к общему счёту. Решение казалось практическим: один лишний исчез из дома, где его не признавали, и появился там, где за него уже отдали хлеб и работу.

Но внизу листа Гаврилов подвёл итог. Ольховый Берег — минус один. Островные дворы — плюс один. Общее число — без изменения.

Илья понял, что судьба мальчика уместилась не в имя и даже не в стрелку, а в удобный ноль последней колонки.

Глава 5. Глубина фарватера

К полудню вода поднялась ещё на ладонь, но Селиванов сказал, что река мелеет.

Он произнёс это на пароме, наклонившись над промерной картой. Илья сперва решил, что капитан шутит: сваи у пристани почти скрылись, нижняя дорога исчезла, к складу подбиралась бурая вода. Селиванов ткнул циркулем в белую полосу между Каменной косой и внутренним островом.

— Уровень выше. Проход мельче. Нанос с верхнего рукава лёг поперёк хода.

На карте возле белой полосы стояли цифры: две целых четыре десятых, две и одна, одна и девять. Их нанесли прошлой весной, когда комиссия принимала пристани. Синим карандашом Марта прочертила будущий путь барж к нижним островам. Красным Селиванов пометил осадку парома с полным угольным ящиком.

— Вчера прошли, — сказал Илья.

— Вчера шли пустее и по старой струе. Сегодня у меня двенадцать человек, два мешка, раненого сняли — невелика разница. Но если двадцать приведут на косу, обратно будет тридцать два. А баржа с четырьмя сотнями сядет раньше первого поворота.

Гаврилов держал у окна рейку с делениями. Нижний конец был ещё мокрый.

— У причала три аршина с четвертью.

— Причал не фарватер, — сказал Селиванов.

Марта велела послать за Дорофеем. Катер не мог пройти к косе: в винт набивало камыш. Рулевой ушёл на плоскодонке и вернулся один, привезя дощечку с тремя зарубками. Нижняя была замазана свежей глиной.

— Что это значит? — спросила Марта.

— Дорофей сказал: кто знает, тот прочтёт.

Селиванов взял дощечку, понюхал глину и бросил на карту.

— Это значит, старик не хочет вести нас.

Илья провёл пальцем по зарубкам. На береговой тетради такими отмечали не глубину, а доступный путь: верхняя — грузовая лодка, средняя — пустой паром, нижняя — весенняя баржа. Замазанная нижняя могла означать, что большого судна путь не держит. Но глина была взята не с Каменной косы. Там песок серый, с ракушкой; эта была красноватая, жирная.

— Где он взял глину? — спросил Илья рулевого.

— С дощечки и взял. Мне не докладывал.

— Дощечка где стояла?

— На Шестовом мысу.

Шестовой мыс лежал выше развилки. Его метка не описывала проход у косы. Дорофей прислал предупреждение о другом месте — или намеренно позволил комиссии так подумать.

Марта распорядилась готовить промерную лодку.

— Мы потеряем ещё день, — возразил Селиванов. — Людей ведут по насыпи. Если они выйдут к косе, держать их там ночью нельзя.

— А вести паром вслепую можно?

— С лоцманом.

— Лоцман прислал загадку.

Илья сказал:

— Это не загадка. Мы не знаем, к какому участку относится знак.

— Узнайте.

Плоскодонку дали маленькую, на четырёх вёслах. Селиванов посадил в неё матроса с лотом, Гаврилова для записи и Илью. Четвёртым пошёл вооружённый караульный — Марта настоящая, хотя ружьё мешало грести и сразу превращало промер в требование власти.

Они вышли от пристани против течения. Лот падал через каждые двадцать гребков. Матрос выкрикивал глубину, Гаврилов записывал номер точки и время. У кирпичного завода было три и восемь, у затопленной дороги — три и две, перед развилкой — два и шесть. Цифры почти совпадали с картой.

На Шестовом мысу из воды торчала раздвоенная ива. К ней была прибита пустая рамка: дощечку сняли утром. Красная глина покрывала корни ивы, хотя ближайший берег оставался песчаным.

Матрос вытащил лот. К салу на его подошве прилип красный комок.

— Нанос, — сказал он. — Притащило из Глинистого рукава.

Гаврилов поставил точку: два и четыре.

— В пределах карты.

— Левее меряй, — сказал Илья.

— Фарватер справа.

— Вчера паром шёл левее.

Матрос пожал плечами, но бросил лот. Один и семь.

Ещё ближе к середине — один и три. Шест упёрся в мягкое дно, лодку сразу развернуло боком. Караульный выругался и схватился за борт.

— Здесь не ходят, — сказал Гаврилов.

— Вчера ходили.

— Значит, вчера здесь было глубже.

Илья посмотрел на поверхность. Течение не выдавало отмель: вода шла ровно, без ряби. Только веточки камыша плыли не вниз, а медленно сдвигались к правому берегу.

— Струя ушла, — сказал матрос. — Ночью прорвало перемычку в Глинистый. Вода теперь режет вправо, а сюда несёт муть.

Официальная линия фарватера на карте проходила справа. Если следовать ей, паром миновал бы новый нанос. Но вчера Селиванов шёл левее — туда его повёл береговой знак. Илья вспомнил, как Дорофей стоял на носу и дважды велел отвернуть от чистой воды к камышу. Тогда это казалось знанием невидимого дна. Теперь получалось, что старик заранее избегал официального прохода.

— Меряйте справа, — сказал он.

На первой точке было два и девять, на второй — три и один. Затем лот ушёл почти на четыре.

— Вот ваш ход, — сказал Гаврилов.

Матрос не согласился:

— Глубина есть. Ширины не знаю. Там старая свая под водой.

Они прошли ещё выше. У поворота из камыша вышла лодка Ратши. На носу сидел сам мальчик в одном чулке; второй, уже без зерна, был намотан на весло. За вёслами сидела Домна Рыбачья.

— Дорофей где? — спросил Илья.

— На косе, — ответила Домна. — Ждёт людей.

— Почему не пришёл на промер?

— Потому что вы меряете не воду.

Гаврилов поднял карту.

— А что?

— Разрешение.

Домна собралась пройти мимо. Караульный положил ружьё поперёк лодки.

— Стоять.

Она посмотрела на ствол, затем на Илью.

— Переведи ему: если выстрелит, вода глубже не станет.

Илья попросил караульного убрать оружие. Тот подчинился не ему, а качке: лодки сталкивались бортами.

— Что скрывает Дорофей? — спросил Илья.

— От кого?

— От комиссии.

— Тогда всё, что знает.

— Из-за этого могут не пройти за вашими людьми.

Домна усмехнулась.

— За нашими? Вчера они были вашими двадцатью.

— Они должны дойти до обмена.

— Дойдут ногами.

— А эвакуационные баржи?

Ратша перестал наматывать чулок. Домна медленно повернула голову.

— Уже решили?

— Нет. Но готовят.

— Кого везти, ваша таблица скажет. Куда — наша вода. Хотите обе половины себе?

Она толкнула их лодку веслом и ушла вниз по течению. Караульный снова потянулся к ружью, но расстояние уже выросло.

На косу добрались через час. Двадцати ещё не было. Дорофей сидел у потухшего костра и строгал новый шест. В песок перед ним были воткнуты пять прутьев разной длины. При виде карты он не поднялся.

— Ты прислал знак Шестового мыса, — сказал Илья.

— Прислал.

— Селиванов прочёл его как запрет на проход у косы.

— Селиванов читает цифры.

— А я должен читать твоё молчание?

— Ты за него жалованье получаешь.

Гаврилов развернул карту на перевёрнутой лодке.

— По официальному фарватеру глубина достаточная. Покажите подводную сваю и безопасную ширину.

Дорофей продолжал строгать.

— Кто карту делал?

— Гидрографическая партия прошлой весной.

— Кто водил?

— В документах не указано.

— Я водил. Пока они мерили, две сваи вынули. Потом обратно поставили.

— Зачем?

— Чтобы чужой пароход без нашего носа не прошёл.

Караульный сделал шаг к нему.

— Это диверсия.

Илья перевёл слово как «порча пути во вред власти». Дорофей впервые посмотрел на солдата.

— Путь не ваш, чтобы его портить. Сваи держат сеть.

— Какую сеть? — спросил Гаврилов.

— Которой нет на вашей карте.

Дорофей воткнул выструганный шест между прутьями. Получился узкий коридор. Два прута обозначали старые опоры рыбного закола, третий — затонувший дубовый ворот, четвёртый — камень, пятый — поворот струи. Весной гидрографы сняли две опоры и получили

прямой промер. Летом береговые вернули их, потому что без закола Вязовый и Костровой не запасали рыбу. На карте осталась глубина свободного прохода, существовавшего три дня.

— Вчера ты провёл паром левее, — сказал Илья.

— Там был ход.

— Сегодня там один и три.

— Значит, нет хода.

— Почему не сказал прямо?

Дорофей указал ножом на карту.

— Чтобы они не нарисовали правый.

— Он уже нарисован.

— Глубина нарисована. Сваи нет. Если скажу, где свая, вынут. Если покажу ширину, баржи пойдут без нас.

— И вывезут людей.

— Каких?

Илья понял, что старик слышал слух. Возможно, Домна успела рассказать; возможно, Каменка передавала новости быстрее лодок.

— Всех, кого признают списки.

— Тогда сначала пусть признают.

— Если дамба рухнет раньше?

— Вода не спрашивает бумагу.

— Она и лоцмана не спросит.

Дорофей положил нож.

— Ты хочешь путь?

— Я хочу, чтобы паром не сел и люди не остались на островах.

— Это два пути. Парому сейчас — вправо между сваей и воротом, пустым. Барже с людьми — через Глинистый, если открыть старую протоку. Но тогда вода пойдёт в Песчаный и срежет их огороды.

— Насколько глубоко в правом проходе?

— Для парома хватит.

— Цифра.

— Цифра вчерашняя или сегодняшняя?

— С сегодняшняя.

— Пока вернёшься, станет вчерашней.

Гаврилов вздохнул.

— Нам нужна измеряемая величина.

Дорофей поднял самый короткий прут.

— Когда на кривой иве вода закроет нижний сучок, пустой паром проходит. Когда откроет — не проходит. Когда муравьи уйдут с среднего корня, течение давит на сваю. Запиши величину.

— Сучок может сломаться.

— Рейку вашу тоже унесёт.

— Рейку можно заменить по образцу.

— Реку по какой заменишь?

Илья перевёл спор слово в слово и услышал, как обе стороны называют точною разными вещи. Для Гаврилова знание должно было пережить знающего: цифра позволяла другому повторить измерение. Для Дорофея знание должно было пережить изменение воды: знак имел смысл только вместе с местом, ветром, корнем и человеком, который видел их вчера.

— Покажи правый проход, — сказал Илья. — Мы внесём сваю и ворот на карту. Не путь для барж, только нынешний проход парома.

— Внесёте — завтра вытащите.

— Если не внесём, Селиванов может налететь на них.

— Пусть возьмёт меня.

— Ты отказался идти.

— Я отказался в Каменку. На паром сяду здесь.

Это был торг, но не о плате. Дорофей хотел сохранить необходимость собственного присутствия. Пока карта была неполной, ни комиссия, ни капитан не могли отделить путь от лоцмана.

— А если тебя не будет? — спросил Илья.

— Тогда не пойдут.

— Даже за детьми?

— За детьми пойдут те, кто знает.

— А если знающие уже на другом берегу?

Старик промолчал.

Из-за насыпи показался первый человек из двадцати. Он шёл, опираясь на палку, за ним женщина несла узел на голове. Потом появились ещё трое. Цепочка растянулась далеко по гати. Дорофей встал.

— К вечеру все будут. Веди паром.

— По правому проходу?

— Я поведу.

— Сначала промер.

— Пока промеряете, течение снова ляжет.

Селиванов, получив записку, пришёл на пароме к внешней кромке косы и держал машину на малом ходу. Сойти не мог: нос уже касался мягкого песка. Он кричал через воду, что угля осталось на один полный рейс и возврат к Каменке.

Илья пересказал ему слова Дорофея. Капитан отказался брать лоцмана без нанесённого препятствия.

— Если он свалится за борт или солжёт, у меня тридцать две души на железе. Я отвечаю судном, не его усами.

Дорофей ответил:

— Если нарисуешь, завтра поведёшь баржу и сломаешь Вязовому закол.

— Я его сейчас сломаю, если это незаконная свая на фарватере!

— Сначала найди.

Они стояли на расстоянии двадцати саженей и спорили через Илью, хотя оба понимали часть слов другого. Паром сносило, машина выправляла нос, уголь уходил. Люди из двадцати подходили к косе по одному и садились на песок. Двенадцать в пакгаузе ждали в Каменке. Обмен, который должен был соединить две группы, зависел от препятствия, отсутствующего на карте.

Илья попросил у Гаврилова чистый лист. Нарисовал не фарватер, а поперечный разрез: левый вчерашний ход, новый нанос, правую глубину, примерное положение сваи и ворота. Вместо точных координат написал условие прохода: только пустой паром, с Дорофеем на носу, после контрольного лота у Шестового мыса и кривой ивы. Отдельно запретил использовать схему для барж и иных судов без нового промера.

— Это не карта, — сказал Селиванов, когда лист передали ему лодкой.

— Это условие одного рейса.

— Кто подпишет?

Илья подписал как переводчик условий. Дорофей поставил знак Вязового — три расходящиеся ветви. Гаврилов написал, что препятствия указаны со слов лоцмана и координаты не удостоверены.

— Вы опять поручаетесь? — спросил писарь.

— Нет. Я ограничиваю, что именно мы знаем.

Селиванов потребовал подпись Марты. Послать лист в Каменку означало потерять ещё два часа. Вода у кривой ивы уже коснулась нижнего сучка.

— Решайте, капитан, — сказал Илья. — На карте проход свободен, и это неправда. На листе препятствие есть, но нет точной точки. Дорофей знает точку и идёт на борту.

— А если он ведёт меня на сваю?

— Тогда погибнут его люди первыми.

Дорофей услышал и кивнул.

Это было жестокое доказательство, но единственное, которое капитан принял. Паром отступил, сделал круг и подошёл к косе узким носом. Дорофей прыгнул на палубу, не дожидаясь сходни. Илья с Гавриловым вернулись в промерную лодку и пошли впереди.

У Шестового мыса бросили лот: два и семь по правой кромке. У кривой ивы вода закрыла сучок. Дорофей поднял руку, Селиванов дал малый ход.

Путь казался широким до тех пор, пока старик не велел повернуть почти поперёк течения. Паром медленно лёг правым бортом к камышу. Вода над невидимой сваей вздулась маленьким неподвижным горбом. Илья увидел его только с расстояния двух лодочных длин.

— Лево два! — крикнул Дорофей.

Селиванов повторил команду рулевому. Корма пошла к горбу. Старик ударил шестом по палубе.

— Не кормой! Носом лево!

На капитанском языке «лево два» означало положение руля; у Дорофея — движение носа относительно метки. Одна команда требовала разных действий.

Илья закричал:

— Руль право! Нос должен уйти влево от сваи!

Селиванов рванул машинный телеграф. Паром вздрогнул, винт взбил муть. Корма остановилась в локте от горба. Из воды показался чёрный конец сваи и снова исчез.

Дорофей не посмотрел на Илью. Он уже показывал следующий створ — промежуток между двумя сухими вершинами ольхи. Паром прошёл его, едва не задев камыш правым кожухом.

За поворотом глубина выросла. Селиванов заглушил машину и подошёл к Дорофею.

— Ты сказал руль влево.

— Я сказал паром влево.

— На судне так не командуют.

— На воде так ходят.

Капитан поднял кулак, но не ударил. Вместо этого велел Гаврилову записать на схеме: команды лоцмана переводит Коренев в рулевые, повторяются капитаном до исполнения.

— Теперь у вас и поворот — язык власти, — сказал Дорофей.

— Теперь у нас корма цела, — ответил Селиванов.

К вечеру на косе собрались девятнадцать из двадцати. Последний, Ян Марков — Яник из дома Марка, остался у старой мельницы с вывихнутой ногой. Его несли на двери, снятой с затопленного дома. Дорофей требовал ждать. Селиванов показывал пустой угольный ящик: если задержаться после темноты, обратный проход станет невозможен без огней, которых береговые не позволяли ставить на створах.

Илья не допустил посадки девятнадцати. Соглашение было на двадцать, двенадцать встречных оставались в Каменке, и начало передачи одной группы снова изменило бы их положение. Паром вернулся к внешней кромке косы и встал на якорь там, где глубина ещё позволяла.

— До рассвета, — решил Селиванов. — Потом или беру всех, или ухожу за углём.

Дорофей сошёл к своим. Перед прыжком он потребовал у Ильи схему. Илья отказал.

— Там нет точного створа.

— Но есть свая.

— Ты хотел, чтобы комиссия знала, что она есть.

— Для этого рейса.

— Рейс ещё не закончен.

Старик посмотрел на него с тем выражением, с каким Игнат слушал разницу между отложенным и выданным зерном.

— Бумага опять пережила условие, — сказал он.

— Я допишу срок.

— Срок не утопит чернила.

В Каменке Марта прочла схему, рапорт о промерах и условие прохода. Возле слова «свая» поставила вопросительный знак, возле «старый ворот» — два.

— Препятствия нужно удалить, — сказала она.

— Тогда Вязовый лишится закола.

— Фарватер не может зависеть от частной рыбной ловли.

— Для них это не частная ловля. Закол кормит несколько дворов.

— А проход кормит всю дельту.

— Пока прохода на карте больше, чем в воде.

Марта подвинула к себе лист.

— Завтра инженер осмотрит свая. До осмотра схема остаётся у комиссии.

— Дорофей согласился только на один рейс.

— Он не вправе устанавливать срок существования препятствия.

— Я подписал ограничение.

— Вы подписали перевод условий. Я их не принимала.

Илья почувствовал знакомую ловушку. На пароме его подпись была достаточна, чтобы капитан рискнул судном. В конторе её оказалось недостаточно, чтобы ограничить использование добытого знания.

— Если вы пошлёте людей ночью, береговые решат, что мы выводывали проход ради уничтожения закола.

— Мы и выводывали проход. Ради эвакуации, о которой вы уже сообщили половине Каменки.

— Я сообщил задержанному основание проверки.

— Через деревянную дверь.

Она была права. К утру очередь у конторы тянулась до склада. Люди пришли доказывать не только состав дворов, но и право на лодки. Слух соединил таблицу с промером: если комиссия считает людей и глубину, значит, вывоз решён.

— Инженер не пойдёт без лоцмана, — сказал Илья.

— Пойдёт с вашей схемой.

— На ней нет створа.

— Найдёт по промеру.

— И может сесть или снести сваю течением.

Марта посмотрела на карту. Синяя линия барж проходила прямо через место, где сегодня едва разошлись паром и подводный горб.

— Что вы предлагаете?

— Оставить схему приложением к рапорту, запечатать и открыть только при новом согласованном промере с Дорофеем.

— То есть отдать ему право запретить движение?

— Оставить ему причину показывать путь, а не прятать следующий.

Гаврилов, сидевший у стены, тихо сказал:

— Можно снять копию карты без местных отметок, а схему вложить в пакет капитана. Для текущего рейса он её уже знает.

Марта подняла брови. Писарь редко предлагал решение, которое уменьшало полноту архива.

— И когда капитан утопит пакет?

— Тогда снова понадобится лоцман, — ответил Гаврилов.

Марта долго смотрела на обоих.

— Хорошо. Пакет хранится у Селиванова до завершения обмена. После — возвращается мне запечатанным. Инженера ночью не посылаю. Утром Коренев приглашает Дорофея на совместный промер для барж.

— Он откажется.

— Тогда объясните ему цену отказа.

— Какую?

— Что я сниму закол по военной необходимости.

Так компромисс получил угрозу внутри.

Гаврилов переписал решение. Схему вложили в серый конверт, сургуча не нашлось, и Марта запечатала его хлебным мякишем под синей печатью комиссии. Илья добавил на клапане: «Только до завершения первой передачи». Дата стояла рядом, но час он вписал сам.

Перед рассветом паром снова пошёл к косе. Илья стоял у рубки, переводя каждую команду Дорофея в положение руля. Селиванов повторял её, прежде чем машинист касался телеграфа. Они двигались медленнее, зато ни одно слово больше не означало сразу нос и руль.

У кривой ивы вода опустилась ниже сучка.

— Не пройдем, — сказал Дорофей.

— Вчера прошли при большей осадке? — спросил Селиванов.

— Вчера вода держала корму. Сейчас потянет на ворот.

Селиванов велел бросить лот. Два и четыре — достаточно по цифре.

— Карта разрешает, — сказал он.

— Сучок нет, — ответил Дорофей.

Илья посмотрел на девятнадцать фигур на косе и на людей у дальней насыпи. Там показалась дверь, которую несли четверо. На ней лежал двадцатый.

Можно было рискнуть и закончить доставку быстрее. Можно было вернуться за углём, потеряв день и, возможно, проход. Он вспомнил, как судьба Левко уместилась в ноль итоговой колонки. Здесь разница между двумя и четырьмя аршинами и нижним сучком тоже выглядела мелкой, пока в неё не входил весь паром.

— Ждём подъёма, — перевёл он капитану не слова Дорофея, а собственное решение. — Двадцатый ещё не на косе. Осадка после посадки увеличится. Нужен новый промер перед отходом.

Селиванов выругался, но отвёл паром на глубину.

Дорофей ничего не сказал. Он смотрел на серый пакет в рубке. Теперь комиссия знала о правом проходе, капитан знал условие, Илья знал различие команд. Старик сохранил не тайну, а лишь часть преимущества.

К полудню Ян Марков — Яник из дома Марка достиг косы. Двадцать были собраны впервые. Двенадцать ждали в Каменке. Вода медленно ползла к нижнему сучку.

Обмен мог начаться, когда совпадут люди, глубина и два разных смысла одной команды. Пока совпало только число.

Глава 6. Три значения долга

К полудню вода достала до нижнего сучка кривой ивы, но паром не подошёл к косе.

На его палубе появились трое вооружённых людей. Один встал у рубки, двое — у сходни. Винтовки они держали не напоказ, а так, как держат багры перед льдиной: ещё ничего не случилось, но место для движения уже выбрано. Селиванов вывел машину на малый ход и остановил судно за полосой тёмной воды, где Дорофей накануне велел поворачивать к правому проходу.

— Их не было в условии, — сказал старик.

Он стоял на косе рядом с двадцатью. Ян Марков лежал на снятой двери, под головой у него был свёрнут овчинный полушубок. Остальные сидели на узлах или прямо на влажном песке. После ночи ожидания лица у всех сделались одинаково серыми, но при виде винтовок люди поднялись, будто их потянула одна верёвка.

Илья смотрел с промерной лодки на паром и уже знал, что означает появление караула для каждой стороны. Марта назовёт его охраной порядка. Дорофей — нарушением поручительства. Селиванов — лишним весом у борта. Сами трое скажут, что выполняют приказ, и будут правы в той мере, в какой приказ способен заменить человеку собственное имя.

Лодка ткнулась в косу. Гаврилов выпрыгнул первым, поднял над водой папку и только потом промочил сапог. За ним сошёл начальник портового караула Антон Лысенко — сухой человек с вытертым ремнём и красной ниткой вместо потерянной пуговицы на вороте. Илья видел его у пакгауза, когда двенадцать береговых заводили под стражу. Тогда Лысенко пересчитывал их дважды и каждый раз получал разное число, потому что Игнат отходил от стены, помогая раненому.

Теперь начальник караула нёс сложенный вчетверо лист.

— Перед посадкой, — сказал он, — требуется выделить Петра Жеребцова.

Среди двадцати никто не двинулся. Илья нашёл Петра не по имени, а по тому, как Дорофей чуть повернул голову к человеку в коротком тулупе. Лодочник был лет сорока, широкоплечий, с белёсым шрамом через подбородок. На правой руке у него не хватало верхней фаланги мизинца. Накануне он дважды ходил по гати навстречу носильщикам Яна, а ночью вычерпывал воду из старого челнока, хотя тот никому не был нужен.

— На каком основании? — спросил Илья.

Лысенко протянул лист. Это была не бумага комиссии. Вверху стоял штамп портовой команды, ниже — три фамилии и распоряжение доставить их для выяснения самовольной отлучки. Фамилию Жеребцова вписали последней другими чернилами. Рядом кто-то добавил: «лодочник, обязан службой».

— Он входит в согласованные двадцать, — сказал Илья.

— Входил до обнаружения долга.

— Какого?

— Перед службой.

Дорофей потребовал перевода. Услышав ответ, он стукнул палкой по песку.

— Пётр должен Вязовому три выхода. Пока не отдаст, с воды его никто не снимет.

Лысенко понял слово «должен» без Ильи.

— Вот и подтверждает.

— Он подтверждает другое.

— Долг — это долг.

С верхней гати донёлся голос:

— И мне должен!

К косе спускался Лука Брагин, хозяин канатного сарая возле Каменки. Он шёл тяжело, придерживая полу длинного пальто, и вёл за собой мальчика с конторской книгой. Илья видел Брагина утром в очереди у комиссии: тот доказывал, что две бухты пенькового каната были реквизированы как четыре, а расписку дали на одну. Теперь на его лице была торжественная обида человека, который наконец нашёл должника раньше власти.

— Семьсот двадцать, — объявил он издали. — Без процентов. С процентами считайте сами, я по совести.

Пётр Жеребцов впервые поднял глаза.

— За что семьсот двадцать?

— За лодочный лес. За смолу. За три кованых уключины.

— Две уключины.

— Третью взял твой брат.

— Брат утонул.

— Долг не утонул.

Люди на косе заговорили все сразу. Кто-то крикнул, что лес Брагин привёз сырой. Мальчик с книгой раскрыл её на ходу и чуть не упал, зацепившись сапогом за корень. Лысенко велел всем молчать, но винтовки оставались на пароме, и приказ не дошёл дальше нескольких шагов.

Илья почувствовал, как обмен снова отходит от них, хотя двадцать были собраны, вода поднялась, паром стоял в пределах одного рейса. Вчера препятствием была свая, сегодня — одно слово, к которому каждый привязал собственную лодку.

— Никого не выделяем, пока не разберём, — сказал он.

— Вы не начальник караула, — ответил Лысенко.

— Я поручитель условий. Если вы снимете одного до передачи, на другом берегу останутся двенадцать.

— Один самовольщик не отменяет девятнадцати законных.

— Соглашение составлено на двадцать как одну сторону обмена. В нём нет девятнадцати. Он сказал это громко, чтобы слышали на пароме. Селиванов приложил ладони ко рту:

— У меня угля не на ваш суд! Или сажайте людей, или уберите всех с фарватера!

Слово «суд» подхватил Брагин.

— Вот именно. Публично разберите. Я книги принёс.

Дорофей усмехнулся:

— Книгу он принёс. Реку забыл.

Илья велел Гаврилову достать чистый лист. Писарь замер с папкой у груди.

— По какой форме?

— Пока без формы. Три требования, три основания, три последствия.

— Марта не поручала учреждать суд.

— Мы и не учреждаем. Устанавливаем, что именно мешает исполнению подписанного соглашения.

Гаврилов оглянулся на паром, на караульных, на двадцать человек и сел на перевёрнутую лодку. Папку положил на колени. Мальчик Брагина встал рядом, прижимая конторскую книгу животом.

Так разбор начался не за столом и не под гербом, а между следом вчерашней воды и нынешней. Кто стоял ближе, тот слышал. Кто был дальше, повторял соседу, и каждая фраза доходила до края толпы уже немного иной.

Первым говорил Брагин. Он назвал даты выдачи леса, цену смолы и стоимость уключин. Книга у него была аккуратная: красные поля, столбцы, подписи крестами. Два года назад Пётр и его младший брат Федот взяли материал на новую лодку. Вернуть должны были после осеннего лова. Половину внесли рыбой, потом цена рыбы упала, остаток Брагин перевёл в деньги. Федот погиб весной, лодка осталась у Петра, значит, и остаток остался у него.

— Подпись чья? — спросил Илья.

Брагин показал два креста, похожих один на другой.

— Один Петра, один Федота.

— Кто различает?

— Я различаю.

— На книге помечено?

— Тогда оба были живы.

Пётр сказал, что ставил один крест за получение своей половины леса. За брата не ручался. После гибели Федота Брагин забрал лодку и продержал у пристани до середины лета. Пётр работал на ней, возил канат и людей, но денег не получал: хозяин говорил, что работа идёт в погашение.

— Сколько погасил? — спросил Илья.

— А кормился чем? — возразил Брагин. — Смолу жёг мою, место занимал моё, лодку изнашивал.

— Лодку вы считаете своей?

— Пока долг не отдан.

— А долг считаете долгом Петра, потому что лодка его?

Брагин нахмурился.

— Не вертите. Вещь у должника — долг на должнике. Вещь у меня — долг всё равно на должнике.

Гаврилов записал это почти дословно, потом перечеркнул последнюю фразу и заменил её коротким: «Кредитор настаивает на личной ответственности».

Илья заметил правку.

— Оставьте обе.

— Первая не протокольная.

— Зато из неё видно основание.

Гаврилов вздохнул и восстановил слова над строкой мелким почерком.

Дорофей говорил вторым. Для Вязового лодка не принадлежала ни Петру, ни Брагину отдельно. Её построили на береговом месте, где зимой хранили общий лес, и спускали семью дворами. Пётр с Федотом обещали по три выхода на ночной зов: перевозить людей во время воды, искать сорванные лодки, держать проход у закола. Федот успел отдать два. Пётр — один. После смерти брата он не получил чужие три как денежный остаток; он занял место брата у второго весла. Пока вода не спадёт, Вязовый вправе позвать его ещё три раза.

— Значит, шесть? — спросил Гаврилов.

— Было шесть, — ответил Дорофей. — Три уже прожиты.

— Кем?

— Двором.

— Но один человек умер.

— Двор не умер.

Брагин засмеялся.

— Когда платить — человек отдельный. Когда работать — двор вечный.

— Когда брать рыбу, ты тоже двор находил, — сказал Дорофей. — Не одного Федота.

Илья переводил их не слово в слово, а по короткой фразе, каждый раз называя, кто действует. «Двор позвал». «Пётр вышел». «Брагин получил рыбу». «Федот обещал». Без этого все глаголы стекались к одному безымянному должнику, которого можно было заставить отвечать за что угодно.

— Эти выходы можно заменить деньгами? — спросил он.

Дорофей посмотрел так, будто Илья предложил измерить лодку иконными свечами.

— Если сорвало ребёнка, ты ему деньги бросишь?

— Другим человеком?

— Можно подменным, если двор примет.

При слове «подменный» несколько человек повернулись к Илье. В памяти сразу возник Левко у двери комиссии: слишком большой для детского пайка, слишком малый для отдельного двора, записанный туда, где его работа создала обязанность кормить. Тогда одно слово позволило мальчику остаться видимым, не став сыном по чужой прихоти. Теперь то же слово могло стать петлёй: если обязанность допускает замену, всякий ли бедный человек годится вместо того, у кого есть лодка и долг?

— Кто выбирает подменного? — спросил Илья.

— Тот, кто должен, приводит. Тот, кому должен, смотрит руки и знает дом.

— А если подменный не вернулся?

— Тогда долг не прожит.

— А его собственный двор?

— Должен согласиться.

— Где это записано?

Дорофей провёл палкой черту по мокрому песку.

— Здесь. Пока люди помнят, кто за кого выходил.

Лысенко сказал, что память не является основанием для задержания. И тут же развернул свой лист.

Третье значение долга оказалось самым коротким на бумаге. Весной портовая команда объявила учёт всех лодочников от восемнадцати до сорока пяти лет. Жеребцов явился, назвал имя, возраст и промысел. Его внесли в третий лодочный десяток, выдали пропуск на правый берег и велели прибыть через два дня. Он не прибыл. Отряд тогда ушёл вверх по реке без него. Теперь фамилия обнаружилась в списке обмена.

— Значит, он дезертир, — сказал Лысенко.

— Он служил? — спросил Илья.

— Был обязан.

— Присягал?

— Время было не для церемоний.

— Получал содержание?

— Не успел.

— Лодку команды?

— Должен был явиться со своей.

Пётр усмехнулся без веселья.

— С лодкой Брагина, на месте Вязового, за Федота.

Впервые все трое требований сошлись в одной фразе. Брагин хотел получить стоимость лодки, считая её залогом. Дорофей требовал от лодки и её гребца три выхода, считая их ответом двору. Портовая команда требовала ту же лодку на службу, считая запись уже начавшейся повинностью. Каждый признавал только ту часть Петра, которая могла работать на него, и каждый называл остаток долгом.

— Почему не явился? — спросил Илья.

— В ту ночь сорвало две лодки у Нижних Тростников, — ответил Пётр. — Дорофей позвал. До утра искали. Одну нашли пустую, во второй были мать и девочка. Когда вернулся, Брагин снял руль, чтобы я не увёл лодку. Пешком до порта дошёл на третий день. Команды уже не было.

— В караул пришёл?

— Пришёл к воротам. Меня не записали.

Лысенко спросил имя дежурного. Пётр не знал. Описал бороду, серую папаху и обожжённое ухо.

— Таких половина пристани.

— Ухо было левое.

В толпе засмеялись. Лысенко покраснел и велел не превращать разбор в балаган.

Илья попросил Гаврилова прочесть вслух всё, что записано. Писарь начал с денежного требования. В его изложении лес был выдан двум братьям, остаток не установлен, труд Петра в погашение не учтён. Затем он прочёл о трёх выходах Вязовому, дважды остановившись на слове «двор». В конце — о неявке в лодочный десяток и о неподтверждённом посещении караула.

Для людей комиссии это были три дела: гражданский расчёт, местный обычай и воинская повинность. Для Дорофея — одна жизнь лодки, растянутая между разными руками. Для Петра — три двери, и за каждой его уже ждали виновным.

С парома снова закричал Селиванов:

— Вода пошла вниз!

Дорофей посмотрел на иву. Между водой и нижним сучком появилась тёмная щель шириной в палец.

— Уже поздно грузить, — сказал он. — С людьми корма сядет.

Лысенко сложил свой лист.

— Тогда тем более забираю Жеребцова сейчас. Остальных завтра.

Он махнул караульным. Один спустился в лодку, привязанную у парома, второй взялся за весло. Увидев это, люди на косе сомкнулись вокруг Петра. Не угрожали, не поднимали палок — просто двадцать тел стали одним препятствием, которое нельзя было обойти по карте.

— Если возьмёте его отдельно, — сказал Дорофей, — двадцать больше не придут.

— Девятнадцать уже здесь.

— Здесь. Не у вас.

Илья понял, что спор о долге закончился. Начинался спор о том, чьё толкование первым получит вооружённые руки.

Он подошёл к Лысенко и забрал у него лист. Начальник караула не удерживал бумагу, вероятно, потому, что двое его людей были ещё на воде, а третий — на пароме. Илья разложил рядом три документа: список двадцати, распоряжение о Жеребцове и запись разбора.

— В списке он кто? — спросил он Гаврилова.

— Пётр Жеребцов, лодочник, из принятых канатом.

— В распоряжении?

— Обязанный службой.

— В книге Брагина?

— Должник по материалам.

— У Вязового?

— Человек второго весла, три выхода.

— Ни одно название не заменяет другое. Денежная запись не делает его военнотружеником. Учёт лодочника не передаёт Брагину его труд. Обязанность двору не даёт караулу права выбрать подменного.

— Я никого не выбираю подменным, — сказал Лысенко.

— Вы как раз выбираете. В отряд не явился тот Пётр, который должен был прийти со своей лодкой. Такой лодки у него, по словам Брагина, не было: руль снят, сама она удерживалась за долг. Теперь вы хотите взять человека без лодки вместо человека с лодкой и назвать службу той же самой.

Лысенко шагнул ближе.

— Он зарегистрирован лично.

— Тогда судите личную неявку после обмена. Не превращайте обмен в доставку для караула.

- Приказываете?
- Развожу значения.
- Слова разводите, а человек один.
- Поэтому его нельзя выдать троим сразу.

Илья услышал собственную фразу и понял её слабость. Разделить требования на листе было легко. Пётр всё равно оставался на косе, вода уходила, а двенадцать в Каменке ждали, не зная, почему ещё один день их жизни зависит от чужих уключин.

Он перечитал соглашение. Передача двадцати должна была начаться посадкой на паром после подтверждения состава. Встречные двенадцать переходили под поручительство Дорофея только после высадки двадцати у Каменки. Нигде не было сказано, кто управляет паромом во время рейса. Вчера это казалось делом Селиванова и Дорофея. Сегодня стало единственным местом, где разные обязанности Петра могли не уничтожить друг друга.

- Кто поведёт вспомогательную лодку у правого прохода? — спросил Илья.

Дорофей ответил:

- Я на носу парома. Нужен второй у ворота. Хотел поставить Петра.
- Это один из трёх выходов?

Старик долго молчал.

- Если доведёт людей — один.
- Не за Федота. От своего имени.
- Второе весло было Федотово.

— Федот умер. Если Пётр выйдет вместо него, вы потом снова скажете, что его собственный долг не прожит.

Дорофей провёл языком по сухой губе.

- Один выход Петра. Два останутся за двором.

— Нет. Долг двора и долг Петра вы сами сейчас разделили. Записываем: сегодняшнее лоцманское сопровождение принимается Вязовым как один личный выход Петра. Не как замена Федота и не как уплата Брагину.

- А мне что? — спросил Брагин.

— Вам — сохранность лодочника, с которого вы требуете расчёт. Если караул снимет его сейчас, вы не получите ни труда, ни денег.

- Это не платёж.

— Именно. Поэтому в денежную строку не заносим.

Илья повернулся к Лысенко.

— Пётр проходит на пароме не под стражей и не как переданный караулу. Во время рейса он входит в лоцманскую команду. После высадки двадцати вы вручаете ему распоряжение при двух свидетелях и назначаете отдельный разбор неявки. До разбора он остаётся под моим поручительством и не помещается вместе с двенадцатью встречными.

- Вы уже поручились за обе стороны, — сказал Гаврилов тихо.
- Значит, теперь у поручительства есть имя.
- И если он уйдёт?
- Я потеряю право переводить.
- Это вы и так теряете при срыве обмена.
- Тогда Лысенко ничего не теряет, если согласится.

Начальник караула понял укол. Он посмотрел на своих людей, болтавшихся в лодке между паромом и косой, и потребовал добавить, что Жеребцов не может покинуть пристань после высадки.

- До отдельного разбора, — уточнил Илья.
- До решения команды.
- Тогда это заранее арест.

— Это обеспечение явки.

— Обеспечение кем?

Лысенко указал на него:

— Поручителем.

Илья почувствовал, как ловушка замкнулась правильными словами. Если он отвечает за явку Петра, караул может не ставить часового. Если отвечает только своим правом переводить, цена для власти ничтожна, но для обмена — полная.

— До заката следующего дня, — сказал он. — За это время вы проверяете журнал ворот, Брагин приносит расчёт с учётом рейсов Петра, Дорофей называет людей, которых Пётр спас у Нижних Тростников. Потом каждое требование рассматривается отдельно.

— Вы назначаете сроки караулу?

— Я назначаю срок своего поручительства.

Лысенко перечитал запись Гаврилова. Потом потребовал заменить «не помещается под стражу» на «остаётся при пристани». Илья согласился только после добавления: «свободно участвует в исполнении обмена». Дорофей поставил знак трёх ветвей напротив строки о личном выходе Петра. Брагин не подписал ничего, но велел мальчику вложить в книгу листок с датой разбора.

Пётр всё это время молчал.

— Ты согласен? — спросил Илья.

— С чем?

— Вести вспомогательную лодку, явиться завтра к закату, не уходить с пристани до разбора.

— А если вода ночью придёт к Вязовому?

Дорофей ответил прежде перевода:

— Тогда пойдёшь по зову. Коренев запишет, что пристань кончается там, где начинается вода.

Лысенко возразил, но Селиванов перекрыл его криком:

— Сегодня уже не повезу! Хотите утопить — толкайте сами!

Решение, ради которого они спорили, опоздало к воде. Нижний сучок полностью обсох. Паром мог подойти пустым, но после посадки двадцати его корма села бы ближе к затонувшему вороту. Дорофей отказался вести до следующего подъёма. Селиванов велел караульным вернуться на палубу и ушёл к внешней кромке косы, где глубина позволяла стоять на якоре.

Двадцать остались на песке ещё на одну ночь. Но теперь их не разрывали на девятнадцать и одного. Пётр вместе с Дорофеем вытащил вспомогательную лодку выше следа воды, проверил уключины и заменил разохшийся нагель. Ян Марков стонал на своей двери. Брагин ушёл к Каменке искать старые расчёты. Лысенко отправил одного караульного проверить журнал ворот, хотя продолжал говорить, что проверять там нечего.

Гаврилов сушил лист над маленьким костром из плавника. Чернила у нижнего края расплылись, и слово «долг» стало похоже на тёмное насекомое с тремя лапами.

— Как озаглавить? — спросил он.

— Никак.

— У документа должно быть название.

— «Раздельная запись требований к Петру Жеребцову».

— Слишком длинно.

— Короткое слово уже едва не сорвало обмен.

Гаврилов написал заголовок полностью.

К вечеру Илья вернулся в Каменку на промерной лодке. У пакгауза стояли родственники двенадцати. Они узнали, что паром снова не пришёл, и теперь не спрашивали о глубине. Кто-

то видел Брагина, кто-то — караульных, и слух уже вынес решение: островитяне прислали должника вместо настоящего пленного; комиссия раскрыла обман; обмен остановлен.

Игнат услышал это через дверь и ударил в неё плечом.

— Подменного нашли? — крикнул он.

Слово вернулось к Илье в худшем из возможных значений. Запись о Левко, сделанная для того, чтобы не дать мальчику исчезнуть между двумя дворами, теперь стала готовым объяснением всякой замены. Если один человек может работать за другого, толпа решила, что один может и сидеть за другого, и быть обменян вместо другого.

Илья подошёл к двери.

— Никого не подменяли. Пётр входит в согласованные двадцать под своим именем.

— Тогда почему держат нас?

— Вода ушла до решения.

— Вода каждый день виновата, а пишете всё вы.

Илья не нашёл ответа, который прошёл бы сквозь дерево без потери. Он велел Гаврилову прикрепить к наружной стене копию раздельной записи, но без суммы Брагина и без слов о самовольной отлучке: до проверки они превратили бы требование в приговор. Вместо этого указал только условие следующего рейса — двадцать переходят полным согласованным составом; Пётр Жеребцов во время прохода действует как лодочник; караул не снимает людей до завершения передачи; встречные двенадцать выходят после высадки двадцати.

— А если Марта не примет? — спросил Гаврилов.

— Тогда пусть отменит при всех и скажет, кого именно считает лишним.

Марта прочла запись уже в сумерках. Она вернулась с осмотра верхнего склада, пахла мокрой шерстью и карболовым мылом. Возле каждой из трёх частей поставила карандашную черту.

— Вы провели суд без полномочий.

— Не суд. Ни одно требование не решено.

— Вы приостановили приказ караула.

— Приказ обнаружен после соглашения и меняет его состав.

— Дезертир не может прикрыться обменом.

— А кредитор — назвать долгом неучтённый труд. И Дорофей — передать Петру обязанность мёртвого брата без конца. Я не решил, кто прав. Я не позволил одному значению исполниться прежде двух других только потому, что у него есть винтовка.

Марта постучала карандашом по строке о поручительстве.

— Зато позволили себе стать четвёртым взыскателем. Теперь он должен явиться, потому что вы поставили на это своё право переводить.

Илья посмотрел на подпись. Она действительно создала новый долг — перед ним. Не денежный, не родовой и не военный. Пётр должен был сохранить Илье его место между сторонами.

— Он может отказаться до рейса, — сказал Илья.

— И снова станет одним против троих.

— Тогда я откажусь от поручительства вместе с ним.

— И обмен сорвётся.

Они оба знали, что это не свобода выбора.

Марта взяла с карты серый пакет со схемой правого прохода. Печать из хлебного мякиша оставалась цела.

— Караул на паром не пойдёт, — решила она. — Один представитель встретит Жеребцова на пристани после высадки. До этого никто из двадцати не отделяется. Селиванов берёт только экипаж, Дорофея, Жеребцова во вспомогательной лодке и тех, кто указан в соглашении. Оружие остаётся в рубке под замком, кроме оружия капитана.

- У капитана нет оружия.
- Тем лучше.
- Запишите отдельным условием.
- Уже записываю.

Она добавила, что денежное требование не рассматривается до завершения обмена, местный выход засчитывается только с согласия Петра после рейса, а портовая команда обязана предъявить журнал. Это было больше, чем предложил Илья, и меньше, чем требовал каждый из троих. Главное изменилось практически: вооружённый караул не участвовал в передаче, Петра не выводили из двадцати, а весь состав переходил как одна группа до предъявления частных и служебных требований.

- Почему согласились? — спросил Илья.

Марта не подняла глаз.

— Потому что двенадцать в пакгаузе. Потому что вода прибывает и убывает без уважения к нашим формам. И потому что, если караул возьмёт одного на косе, завтра Дорофей спрячет не сваю, а людей.

Она поставила печать комиссии. Потом придвинула Илье лист.

- Переведите для косы до темноты.
- Дословно?
- Так, чтобы караул остался на берегу, а двадцать сели на паром.
- Это не одно и то же.

Марта устало посмотрела на него.

- Теперь я знаю.

Илья сделал две копии. В комиссионной написал «требования временно не исполняются до завершения передачи». Для Дорофея — «ни один из двадцати не будет взят отдельно, пока все не ступят на каменскую пристань». Под обеими строками указал, что это не прощение денег, не отмена выхода и не признание военной службы. Гаврилов настоял, чтобы обе версии лежали рядом и имели один номер.

Когда лодка отходила к косе, в окне дома Илья увидел Аглаю. Она держала лампу, заслоняя пламя ладонью, и смотрела не на него, а на очередь у пакгауза. Он подумал о Степане, чьё имя оставалось во внутренней обложке книжки, и не поднял руки. Сегодня одно скрытое имя не участвовало в споре. От этого тайна не стала легче.

На косе Дорофей выслушал перевод до конца. Пётр спросил только, будет ли завтрашний выход засчитан ему самому. Илья показал строку. Старик поставил рядом новый знак — одну ветвь вместо трёх.

- Это его ветвь, — объяснил он.

Лысенко прислал с лодкой свой ответ: караул останется у пристани, но распоряжение Жеребцову вручат немедленно после высадки. Брагин ответа не прислал. Видно было, как в его сарае движется огонь: там искали старые книги.

Ночью двадцать расположились выше косы. Пётр сел у вспомогательной лодки и положил ладонь на новую уключину. Дорофей отмечал на песке завтрашний поворот, но каждая волна стирала корму нарисованного парома.

Илья остался ждать подъёма вместе с ними. До начала обмена теперь требовалось не только совпадение числа и глубины. Нужно было, чтобы три долга не были взысканы в одну минуту с одного человека.

Перед рассветом вода коснулась нижнего сучка.

Паром снялся с якоря.

Глава 7. Обмен

К рассвету вода поднялась ровно настолько, чтобы скрыть нарисованный Дорофеем паром, но не его ошибки. Старик стоял по колено у нижнего сучка кривой ивы и смотрел, как течение отрывает от песка вчерашние линии. На берегу двадцать человек просыпались молча: никто не хотел первым произнести, что сегодня их снова могут не повезти.

Селиванов подвёл паром без флага. На мачте осталась одна мокрая верёвка, и от каждого порыва она била по дереву, словно кто-то наверху требовал впустить его. Капитан держал нос против струи короткими ударами машины. Угольный дым стлался низко, смешивался с туманом и возвращался на палубу.

Илья сидел у рубки с двумя листами соглашения под клеёнкой. В комиссионном экземпляре передача начиналась после проверки полного состава. В записи Дорофея люди должны были войти на паром все вместе, чтобы ни один не оказался «взят с воды». Гаврилов поставил один номер на обеих версиях, но бумага не перестала от этого обозначать разные действия.

— Сначала лодка, — сказал Дорофей, когда нос парома дошёл до косы. — Потом люди.

— Сначала список, — возразил Гаврилов. — Иначе как подтвердим состав?

Илья перевёл не слова, а порядок. Пётр Жеребцов отвёл вспомогательную лодку к правому борту и закрепил её коротким концом так, чтобы она могла принять удар течения. Дорофей поднялся на нос. Только после этого Гаврилов сошёл на песок с папкой, а Илья назвал первое имя.

Люди отвечали по-разному. Одни говорили «здесь», другие поднимали руку, третьи называли двор вместо себя. Ян Марков, которого на косе звали Яником, не отозвался ни на одно имя, пока Дорофей не коснулся его плеча. Тогда он показал на вывихнутую ногу и сказал:

— Нога здесь. Я — пока не знаю.

Гаврилов хотел записать отказ от ответа. Илья заставил его оставить поле пустым и отметил присутствие свидетелями. На одиннадцатом имени выяснилось, что Лука Брагин прислал мальчика с требованием задержать Петра до сверки расчёта. Мальчик стоял в лодчонке за паромом, прижимая к груди книгу в кожаной обложке, и не решался подойти ближе.

— Поздно, — сказал Дорофей.

— Требование подано до посадки, — сказал Гаврилов.

— Подано кому? — спросил Илья.

Мальчик протянул книгу. На вложенном листе Брагин написал, что нашёл две выдачи леса и три меры смолы, которых не было во вчерашней копии. Ни цены, ни срока на листе не стояло. Зато внизу появилась фраза: «До выяснения не выпускать за пределы Каменки».

— Мы ещё не в Каменке, — сказал Пётр.

Это был первый смех за два дня. Даже Ян приподнялся на двери. Илья вернул лист мальчику.

— Передай: расчёт примут после высадки. Запрет без подписи комиссии не действует. Книгу не мочи.

Мальчик отплыл, а Гаврилов внёс в поле замечаний время предъявления. Список дошёл до двадцатого имени. Все были на косе. Никто не оказался заменой, покойником или человеком, которого видели только родственники. Илья трижды пересчитал головы: девятнадцать стояли, Ян лежал на двери.

— Полный состав, — сказал он.

Дорофей не двинулся.

— Теперь их слова.

Каждый должен был услышать, что после высадки его не вернут на косу, не удержат вместо встречного и не отделят до завершения передачи всей двадцатки. Илья произносил усло-

вие двадцать раз. К десятому оно стало походить на молитву, к пятнадцатому — на приказ, к последнему — на оправдание. Некоторые повторяли его за ним. Пётр спросил, считается ли вспомогательная лодка частью парома. Селиванов выругался, но Илья добавил на полях: «Лодочник, следующий на привязи у правого борта, входит в передаваемую группу до постановки обеих лодок у пристани».

Только тогда началась посадка.

Дорофей ставил людей не по именам, а по весу и способности держаться на ногах. Сильных — к бортам, слабых — ближе к машине, Яна — поперёк кормы на той же двери. Гаврилов переставлял галочки вслед за каждым телом и сердился, когда порядок не совпадал со списком. Илья стоял между ними и чувствовал, как слово «состав» меняет смысл: на бумаге оно означало двадцать строк, на палубе — наклон досок под ногами.

Пётр отвязал вспомогательную лодку последним. Он остался в ней один, с двумя вёслами и коротким шестом. От караула на пароме не было никого. Лысенко ждал в Каменке, и это отсутствие ощущалось сильнее винтовок.

— Правый проход, — сказал Дорофей.

Селиванов повторил:

— Правый проход.

— Нос к сухой лозе.

Илья перевёл в команду рулю:

— Два деления вправо, держать иву по носу.

Селиванов повторил. Машина ударила. Паром оторвался от косы.

Сначала течение не сопротивлялось. Оно приняло плоское дно и понесло туда, куда указывал нос. Потом из тумана показалась восстановленная свая закола. Вода покрывала её, но над поверхностью стоял маленький обратный бурун. Дорофей поднял ладонь.

— Не гони.

— Малый ход, — перевёл Илья.

Селиванов повторил и сбросил пар. Пётр в лодке ушёл вперёд, поймал ворот шестом и отвёл привязь от сваи. На миг лодку развернуло поперёк. Пётр лёг на весло всем телом; дерево выгнулось, вода вошла через борт.

Один из людей кинулся к канату.

— Не трогать! — крикнул Дорофей.

Илья не успел перевести. Селиванов понял сам и ударил рычагом. Паром подался назад на полсажени, натяжение ослабло, Пётр выровнял лодку. Его лицо было серым, но он поднял весло и показал, что уключина цела.

— Его ветвь, — сказал Дорофей.

Илья вспомнил знак на соглашении. Один личный выход Петра исполнялся не после обмена и не перед ним. Он был самым проходом. Если лодка перевернётся, комиссия запишет несчастный случай; Вязовый — неисполненный выход; Брагин — потерю должника. Только Пётр не получит своего слова.

За сваей фарватер сузился. Справа вода крутилась над затонувшим воротом, слева тянулась красная муть нового наноса. Дорофей показывал пальцами глубину, Илья превращал её в команды, Селиванов повторял. Трижды лот касался дна. На третий раз груз задержался в глине, и лотовый выдернул верёвку без свинца.

— Дальше по сучку, — сказал Дорофей.

Кривая ива уже скрылась за туманом.

— Сучка не видно.

— Мне видно.

— Капитану — нет.

Старик посмотрел на Илью так, будто тот снова требовал выдать тайный ход комиссии. Потом указал на полосу спокойной воды между двумя рябями.

— Веди между дыханиями.

Такой команды у руля не существовало. Илья видел две дрожащие полосы, но не знал, которую Дорофей называл вдохом. Он мог перевести образ буквально и погубить всех с сохранением точности. Мог назвать направление сам и присвоить знание лоцмана.

— Держать середину гладкой полосы. Нос на тёмный камыш, — сказал он.

Дорофей не подтвердил и не возразил.

Паром прошёл. Дно один раз скребнуло по песку, люди качнулись, Ян застонал, но красная муть осталась слева. Вспомогательная лодка вышла следом. Когда глубина снова стала достаточной, Селиванов дал полный ход и только тогда вытер ладонью рот.

— Схему вашу после рейса сожгу, — сказал он.

— Схема у вас в сейфе, — напомнил Гаврилов.

— Поэтому и говорю после рейса.

Каменка появилась не берегом, а звуком. Сначала донёсся скрип портового крана, потом удары по воротам пакгауза, потом голоса. На пристани стоял караул Лысенко. За ним теснились родственники двенадцати береговых, которых должны были передать навстречу. Ещё дальше собрались люди, пришедшие увидеть, кого комиссия назовёт свободным.

Марта ждала у самого края без оружия. Рядом лежали двенадцать береговых знаков — обструганные дощечки с именами и отметками дворов. Дорофей потребовал их ещё вчера вместо комиссионных расписок. Марта согласилась, но велела продублировать каждую дощечку номером из списка.

Паром не мог сразу пристать: встречный ветер прижимал корму к сваям старого причала. Селиванов подал назад. Пётр завёл вспомогательную лодку между бортом и пристанью, перебросил конец и первым ступил на камень.

Лысенко протянул ему сложенное распоряжение.

— После всех, — сказал Илья с палубы.

— Он уже высадился.

— Лодка ещё на воде. Группа не передана.

Начальник караула ухватил Петра за рукав. Дорофей мгновенно бросил носовой конец обратно на палубу. Паром отошёл от причала на ширину ладони, потом на две. Люди у борта закричали.

Марта шагнула между Лысенко и Петром.

— Руку уберите.

— Я вручаю распоряжение.

— Вы удерживаете лодочника до постановки судна. Это запрещено моим условием.

Лысенко отпустил рукав, но распоряжение не убрал. Пётр держал конец обеими руками и смотрел не на караул, а на Дорофея. Старик снова подал канат. Пётр заложил его за тумбу, паром ударился бортом и замер.

Теперь требовалось высадить всех двадцать и пересчитать их на пристани до освобождения двенадцати. Но трап был узким. Если люди сходили по одному, каждый на несколько мгновений оказывался отделён от остальных. Дорофей потребовал считать передачей только тот миг, когда последний ступит на камень. Марта требовала отмечать каждого сразу, иначе в толпе можно было потерять человека.

— Отметка не передача, — решил Илья. — Пишем присутствие на пристани. Состояние всей группы меняется после двадцатой отметки.

— Состояние людей не меняется строкой, — сказал Дорофей.

— Поэтому строка подождёт последнего.

Первым вынесли Яна. Четверо подняли дверь, прошли по трапу и положили её в очерченное мелом место. Затем сошли остальные. Гаврилов называл номера, Илья — имена. Родственники кричали поверх обоих. Кто-то узнал мужа, кто-то брата, кто-то человека, которого считал погибшим. Караул сдерживал толпу древками винтовок.

На семнадцатом Пётр всё ещё стоял у тумбы. Лысенко держал распоряжение перед его лицом, но не касался его. На девятнадцатом с парома сошёл Дорофей.

— Ты не в составе, — сказал Гаврилов.

— Я свидетель воды.

Двадцатым должен был стать Пётр. Он отвязал вспомогательную лодку и подтянул её выше по камню. Лысенко шагнул ближе.

— Пётр Жеребцов, вам предписано оставаться при пристани до разбора неявики.

Пётр не взял бумагу.

— Я ещё лодку держу.

— Лодка стоит.

— На воде.

Дорофей коснулся каната. По местному обычаю человек, державший лодку у чужого берега, ещё принадлежал переходу. По комиссионному листу его ноги уже были на пристани. Илья увидел, как обе стороны приготовились исполнить удобный смысл.

Он спустился по трапу, взял канат из рук Петра и передал Селиванову.

— Лодка принята капитаном. Пётр вышел из лоцманской команды. Двадцать присутствуют на пристани полным составом.

Гаврилов поставил последнюю отметку. Марта написала под списком время. Дорофей приложил к полю печати два пальца, мокрые от каната.

— Передача совершена, — произнёс Илья сначала для островитян, потом для комиссии.

Только после этого Пётр принял распоряжение. Лысенко велел двум караульным встать рядом, но Марта остановила их:

— Он остаётся при пристани под поручительством. Не под стражей.

— Разница кончится, как только он побежит.

— Тогда сначала дайте ему побегать.

Пётр развернул лист. Читать он умел медленно. Илья предложил помочь, но тот отказался и повёл пальцем по строкам сам.

Теперь наступала очередь двенадцати береговых. Их вывели из пакгауза связанными одной верёвкой через пояс. Это не было указано ни в одном соглашении. Родственники загудели. Дорофей отступил от причала.

— Так их не принимают.

Марта приказала развязать. Лысенко возразил, что среди двенадцати Игнат, дважды нападавший на конвой. Тогда Илья спросил, что именно передаётся: двенадцать свободных людей под поручительство Дорофея или двенадцать связанных тел вместе с комиссионной верёвкой.

— Не играйте словами, — сказал Лысенко.

— Верёвка — не слово.

Её сняли. На поясах остались тёмные полосы. Игнат растёр руки и первым спросил, все ли двадцать сошли. Илья ответил, что все. Тогда Игнат повернулся к своим и назвал их по именам. Их оказалось двенадцать.

Дорофей подошёл к каждому с дощечкой. Он не отдавал знак человеку, пока тот не называл двор и того, кто отвечает за его возвращение. У одиннадцати ответы совпали. Двенадцатый, молодой бондарь Кирьян, назвал Костровой, а на дощечке стоял Вязовый.

— Ошибка писаря, — сказал Гаврилов.

— Не ошибка, — сказал Кирьян. — Вязовый принял меня на зиму после ареста. Костровой — мой огонь.

Если исправить дощечку на Костровой, Дорофей мог отказаться отвечать за человека из спорного двора. Если оставить Вязовый, запись укрепляла право временного двора присваивать человека. Обмен снова остановился на последнем имени.

— Кто выставлял тебя на береговую сторону? — спросил Илья.

— Костровой.

— Кто кормил до задержания?

— Вязовый.

— Кто будет отвечать, если не вернёшься на зов?

Кирьян посмотрел на Дорофея.

— Я сам.

Старик покачал головой:

— Сам за себя отвечает тот, у кого своя лодка и свой огонь. У него ни того, ни другого.

Илья предложил записать оба двора и не определять принадлежность сегодня. Дорофей согласился принять Кирьяна только как двенадцатого по соглашению, без решения о дворе. Марта потребовала, чтобы это не меняло зерновой учёт. Гаврилов добавил примечание на обороте дощечки, а Илья заставил его повторить то же в общем листе. Только после этого Кирьян перешёл за спину Дорофея.

Двенадцать поднялись на паром. На косу их уже не везли: по новому условию Дорофей принимал поручительство на каменной пристани и должен был вывести людей верхней гатью после проверки отметок. Паром оставался у берега, пока стороны обменивались копиями.

Илья проверил двадцать островитян ещё раз. Ян лежал у лазаретной повозки; Пётр читал распоряжение; остальные теснились в меловом прямоугольнике. Он проверил двенадцать береговых. Все стояли на палубе, включая Кирьяна с исправленной дощечкой.

Тогда Марта передала Дорофею двенадцать знаков. Старик вручил ей расписку не в получении людей, а в принятии ответственности за их путь до дворов. Селиванов расписался за постановку парома. Гаврилов — за совпадение чисел. Илье оставили строку «смысл условий разьяснён обеим сторонам».

Он не подписал сразу.

— Что ещё? — спросила Марта.

— Пятеро.

Она посмотрела на него без удивления.

Первое соглашение перечисляло двадцать подлежащих передаче и четыре спорных имени в приложении. Пятое имя Илья оставил во внутренней обложке личной книжки. Пока обмен не состоялся, можно было говорить, что список ещё уточняется. Теперь подписи превращали двадцать в окончательное число.

Дорофей ждал у трапа. Аглая стояла за толпой родственников; Илья заметил её по светлому платку. Она не могла слышать разговор, но видела его руку над пустой строкой.

— Сначала четыре спорных, — сказал Илья.

Марта велела Гаврилову вынуть приложение. Там значились Лука Седой, Фома Резник, Варвара Клин и Семён Шестак. Двое удерживались караулом в верхнем складе, один лежал в лазарете под другим именем, местонахождение Варвары комиссия не подтверждала. Их не обменивали сегодня, но соглашение обязывало отдельно рассмотреть основание удержания.

— И пятый, — сказал Илья.

Дорофей поднял глаза. Марта молчала.

— В исходной записи было пять спорных людей. Один не вошёл в приложение.

Гаврилов перелистал бумаги.

— У нас четыре.

— Потому что пятого я не внёс.

Вокруг продолжали кричать родственники, скрипел паром, караульный требовал освободить проход, но у стола стало тихо. Илья достал личную книжку. Внутренняя обложка от сырости пошла пузырями. Под загибом оставалась строка: «Степан Воронец, двадцать девять лет, левое плечо срослось неправильно».

Он положил книжку так, чтобы Гаврилов и Дорофей прочли. Аглая оставалась слишком далеко.

— Почему скрыли? — спросил Гаврилов.

— Родство с моей женой. Противоречивые показания. Я решил, что имя сорвёт основной список.

— Чьё родство? — спросил Дорофей, хотя уже понял.

— Брат Аглаи.

Старик закрыл книжку ладонью.

— Убери.

— После подписи его не будет даже среди спорных.

— Если сейчас назовёшь толпе, двадцать снова станут залогом за одного.

Марта сказала:

— Основной обмен завершён фактически. Его нельзя отменить новым заявлением.

— А приложение можно исправить?

— Только новым протоколом. С новыми подписями.

— Значит, составим.

Гаврилов уже приготовил чистый лист, но Марта положила ладонь на бумагу.

— На каком основании Воронец удерживается?

— Я не знаю.

— Где он?

— Последнее указание — старый таможенный сарай за Северной протокой.

— Чьё указание?

Илья посмотрел на Дорофея. Старик не отвёл глаз.

— Береговой сход сообщил, что его «держит вода». Комиссия считает его участником налёта на почтовую баржу. Ни одна сторона не признаёт, что он у неё.

— Тогда кого вы предлагаете обязать его предъявить?

Вот для чего поправка была скрытой. Четыре имени в приложении имели сторону, у которой можно требовать ответа. Степан находился между обвинениями так же, как Кирьян между дворами, но без тела на пристани и без свидетеля, готового принять ответственность. Если вписать его сейчас, каждая сторона получила бы письменное подтверждение, что другая считает его ценным. Если не вписать — он исчезал из единственного общего документа.

— Обязать обе стороны сообщить сведения, — сказал Илья.

— Это не обязательство, — ответила Марта. — Это способ навсегда отвечать друг другу, что сведений нет.

Дорофей тихо добавил:

— А если имя пойдёт с караулом, сарай найдут раньше нас.

— Вы знаете, где он?

— Я знаю, где вода могла его оставить. Не одно и то же.

Илья понял, что старик просит сохранить тайну не ради Степана одного. В старом сарае могли быть другие люди, оружие или зерно. Точное имя стало бы указателем.

Марта сняла руку с чистого листа.

— Я подпишу уведомление о пятом заявленном лице без места и без признания удержания. Оно не станет приложением к завершённому обмену. Отдельный номер, отдельная проверка.

— Тогда он остаётся вне обмена.

— Он уже вне обмена. Это сделали вы, когда не внесли его до согласования двадцати.

Слова не обвиняли, только устанавливали последовательность. От этого они резали точнее.

Илья посмотрел на строку своей подписи. Если он сейчас откажется, двадцать уже не вернутся на косу, двенадцать уже не попадут обратно в пакгауз. Но каждая сторона сможет сказать, что смысл условий не был подтверждён переводчиком. Обмен состоится телами и останется спорным на бумаге. Степан не войдёт в него всё равно.

Он подписал.

Гаврилов поставил время и закрыл основной лист. Потом завёл отдельное уведомление о пятом имени. Марта подписала получение сведений. Дорофей отказался ставить знак, но согласился, чтобы Илья записал его присутствие при оглашении. Место удержания не указали. Родство с Аглаей не указали. Степан Воронеж впервые появился в комиссионном реестре не как пленный, не как задержанный и не как подлежащий обмену, а как «лицо, о местонахождении которого заявлено переводчиком после завершения передачи».

Эта формула защищала сегодняшний обмен. Она же делала Илью единственным источником имени.

— Теперь всякий, кто будет искать его, начнёт с вас, — сказал Дорофей.

Марта услышала и не стала спорить.

Аглая подошла, когда бумаги уже убрали. Она спросила, почему Илья так долго не подписывал. За её плечом двадцать островитян выходили из мелового прямоугольника: кого-то вели родственники, кого-то — санитар, Пётр оставался у тумбы с распоряжением. На пароме двенадцать береговых готовились сойти к верхней гати под поручительством Дорофея.

— Не совпало приложение, — ответил Илья.

— Исправил?

Он посмотрел на неё и понял, что может сказать правду только целиком, а целиком сейчас означало назвать сарай при карауле, Марте и толпе. Полуправда уже однажды создала отдельный лист.

— Завёл новое уведомление.

— О ком?

Дорофей крикнул, чтобы освободили трап. Между ними прошли Игнат и Кирьян. Аглая отступила. Илья мог удержать её за рукав, отвести в сторону и произнести имя. Но за столом Гаврилов как раз передавал уведомление Лысенко для проверки портовых журналов.

— Скажу дома, — сказал Илья.

Аглая долго смотрела на него.

— Ты всегда говоришь дома то, что уже успело стать бумагой.

Она ушла к лазаретной повозке помогать Яну. Илья остался у причала.

Пётр дочитал распоряжение и подошёл к нему.

— Тут написано, что я обязан быть завтра к закату. А сегодня?

— Сегодня остаёшься при пристани до окончания обмена.

— Он окончен?

Илья посмотрел на двадцать людей на камне, двенадцать на пароме, отдельное уведомление в руках караула и свою подпись под словами о разъяснённом смысле.

— Основная передача окончена.

— Тогда моя ветвь прожита?

Дорофей ответил с трапа:

— Прожита.

Он перечеркнул на своей копии одну из трёх ветвей. Пётр сложил распоряжение и положил за пазуху. Лысенко хотел напомнить, что поручительство действует до разбора, но Марта удержала его взглядом.

Паром отошёл от Каменки уже с двенадцатью. Дорофей не повёл их через правый проход. Он высадил людей выше старого причала, где начиналась гать, и передал каждого названному двору. Кирьян ушёл последним, без решённой принадлежности, но с дощечкой, на обороте которой стояли оба названия.

К полудню на пристани остались мокрые следы, обрывок общей верёвки и меловой прямоугольник без людей. Гаврилов подсчитал: передано двадцать, принято двенадцать, четыре спорных сохранены в приложении, одно новое лицо вынесено в отдельное производство.

— Числа сошлись, — сказал он.

— Нет, — ответил Илья. — Они просто перестали стоять на одном листе.

Вода продолжала прибывать. Она закрыла нижнюю ступень причала, затем вторую. К вечеру никто уже не мог показать точное место, где Пётр перестал быть лодочником и стал человеком под поручительством, где двадцать стали свободными, а двенадцать — принятыми. Остались подписи и последствия.

Главным последствием был не состоявшийся обмен. Он был виден всем. Главным стало то, что Степана Воронца теперь искали официально — и единственной дорогой к нему служило имя Ильи Коренева внизу уведомления.

Глава 8. Красная вода

Дамба лопнула через два часа после обмена.

Сначала в Каменке решили, что взорвался котёл. Удар пришёл снизу, прокатился по сваям и заставил пустые бочки подпрыгнуть у пакгауза. Потом река отступила от пристани на полсажени. Обнажились чёрные камни, затонувшая корзина и ступень, которую вода только что закрыла. Люди бросились подбирать вещи, не понимая, что река не уходит, а набирает разбег.

Илья увидел красную полосу у дальнего камыша. Она росла против течения.

— С верхней перемычки, — сказал Селиванов. — Глина пошла.

Над крышами Нижних Тростников поднялась стая птиц. Через минуту пришёл второй звук — длинный, похожий на рвущуюся ткань. Красная вода ударила в боковой рукав, перелилась через гать и понесла доски, сено, половину рыбного закола. Люди на пристани замолчали. Затем все заговорили сразу.

Марта поднялась на стол, где недавно подписывали обмен.

— Суда остаются у причала! Самовольный выход запрещён! Гаврилов, список дворов. Селиванов, сколько хода до нижних островов?

— По старой воде — час. По этой не знаю.

— Что у нас есть?

У причала стояли паром, промерная лодка, две плоскодонки комиссии и буксир без достаточного запаса угля. Три рыбацкие лодки принадлежали людям, уже увозившим семьи. Ещё пять числились в портовом журнале, но находились у дворов. На бумаге получалось двенадцать судов. На воде — пять, не считая вспомогательной лодки Петра.

Гаврилов принёс не один список, а всю папку зерновой выдачи. На первом листе стояли восемнадцать зарегистрированных хозяйств. За ним лежала Ильина таблица соответствий, где одна комиссионная дверь могла означать три местных огня, а один двор — несколько дверей. Последним шло приложение отказанных, выросшее до семнадцати имён.

— Нужны населённые пункты, — сказала Марта. — Не родословные.

— В местных списках нет населённых пунктов, — ответил Илья. — Есть дворы, пристани и места зимнего огня.

— Тогда переведите в места погрузки.

Это прозвучало так же, как вчерашнее требование перевести лоцманское «между дыханиями» в команду рулю. Только теперь ошибку нельзя было исправить задним ходом.

С крыши таможни закричали, что нижняя гать исчезла. Красная вода уже несла по внутреннему рукаву целые кусты с корнями. Первый гонец прибежал от Кострового: перемычка у Глиняной Пяты разошлась, вода режет новый ход к островам. Второй сообщил, что Вязовый пока сух, но дорогу к нему перехлестнуло. Третий не добежал — его привезли в лодке с разбитой головой.

Марта провела углём по карте четыре круга.

— Паром — Вязовый и Костровой. Буксир — Нижние Тростники. Плоскодонки — одиночные дома. Промерная лодка идёт впереди и отмечает проход. Сначала дети, больные, затем остальные.

— Сколько мест? — спросил Илья.

Селиванов подсчитал вслух. Паром мог взять шестьдесят человек, если не брать имущество. Буксир — двадцать пять, но машина требовала угля. Две плоскодонки — по восемь. Промерная — шестерых сверх команды. Всего сто семь мест за первый рейс, если все суда вернутся.

— А людей?

Гаврилов сложил числа зарегистрированных хозяйств и получил восемьдесят четыре. Потом посмотрел на таблицу соответствий. С учётом членов общих дворов выходило сто тридцать девять. Приложение отказанных добавляло ещё семнадцать, но часть имён могла уже входить в местные дворы.

— От ста сорока до ста пятидесяти шести, — сказал он.

— Это не подсчёт.

— Другого нет.

На пристани появился Ратша. Мальчик был мокрым до груди и держал над головой тот самый чулок, в котором раньше носил зерно. Теперь в чулке лежали три деревянные бирки.

— Вязовый велел передать: двенадцать у старой ивы, девять у печного бугра, Марфа с малыми на крыше. Лодку унесло.

— Двенадцать плюс девять плюс сколько малых? — спросил Гаврилов.

— Малых.

— Сколько?

Ратша посмотрел на него с ненавистью.

— Если бы мог сосчитать, остался бы считать.

Илья разложил бирки. На одной был знак Вязового, на второй — Марфы, третья принадлежала дому, которого не было в комиссионной ведомости: лодочному навесу, где летом спали работники без собственного огня.

— Их нет в таблице, — сказал Гаврилов.

— Теперь есть место погрузки, — ответил Илья. — Старая ива, печной бугор, крыша Марфы, лодочный навес.

Он написал четыре строки. Напротив первых трёх поставил числа, напротив последней — вопросительный знак. Марта вычеркнула знак и написала «проверить с воды».

К ним протолкнулась Домна Рыбачья. Она требовала лодку к Трём Причалам, где оставались Савва и пять стариков. В зерновом листе её двор значился отказанным, потому что общий огонь не совпал с дверью. В приложении было её имя, но не старики.

— Если поведём по приложению, спасём Домну и забудем тех, за кого она пришла, — сказал Илья.

— Если поведём по её словам, каждый назовёт ещё пятерых, — ответила Марта.

— Они и существуют пятерыми, даже если не названы.

— У нас сто семь мест.

Она велела создать два столбца: подтверждённые места погрузки и заявленные с пристани. Первые получали судно сразу, вторые — проверку промерной лодкой. Илья записал Три Причала во второй столбец. Домна вцепилась в его рукав.

— Пока проверишь, вода проверит сама.

Он не смог обещать ей рейс.

В этот момент Лысенко принёс отдельное уведомление о Степане. На мокром поле появилась новая карандашная запись: «Предположительное направление — Северная протока, старые таможенные строения».

— Откуда? — спросил Илья.

— Один из портовых сказал, что видел там лодку три ночи назад.

— Какого портового?

— Проверим на месте.

Марта прочла строку и нанесла на карту ещё один круг. Старый таможенный сарай стоял выше Нижних Тростников, за узким камышовым горлом. Если туда действительно пошла красная вода, люди внутри окажутся заперты между насыпью и новым руслом.

— Промерная лодка сначала к сараю, — решил Лысенко. — Мы возьмём четверых.

— Промерная лодка должна вести паром, — сказала Марта.

- Речь о разыскиваемом участнике налёта.
 - Речь о ста пятидесяти людях.
- Лысенко указал на уведомление:
- Ваш номер, ваша подпись о проверке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.